

ТАТЬЯНА

ГАРМАШ-РОФФЕ

Светлый лик, темный след

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе
Светлый лик, темный след
Серия «Частный детектив
Алексей Кисанов», книга 25

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26548819
Светлый лик, темный след: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-04-088570-1

Аннотация

«...Меня нашли в квартире соседки, всю в крови, рядом с ее мертвым телом. По словам полицейских, убила ее я. Причем в состоянии алкогольного опьянения. Но я ничего не помню. Последнее, что сохранилось в моей памяти, – это вечер с мужем в ресторане, мы пили шампанское. Сознание от него затуманилось, и я не представляю, что случилось потом. Мне нечего сказать в свою защиту. Знаю только одно: я не могла убить. Тем не менее все улики против меня. Я уверена, произошло какое-то ужасное недоразумение. Только мне никто не верит и полиция не собирается искать дальше. Теперь мне грозит огромный срок...

Надеюсь, вы сочтете возможным взяться за мое дело. Оно выглядит безнадежным, понимаю. И все же прошу вас, Алексей Андреевич, – нет, умоляю!!! – хотя бы попробуйте помочь мне.

По отзывам, нет такой загадки, которую вы бы не разгадали. Вы моя последняя надежда...»

Содержание

День первый	6
День второй	77
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Татьяна Гармаш-Роффе

Светлый лик, темный след

© Гармаш-Роффе Т. В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

День первый

«...Меня нашли в квартире соседки, всю в крови, рядом с ее мертвым телом. По словам полицейских, убила ее я. Причем в состоянии алкогольного опьянения. Но я ничего не помню. Последнее, что сохранилось в моей памяти, – это вечер в ресторане. Я была там с мужем, мы пили шампанское. От него мне стало плохо... Сознание затуманилось, и я не представляю, что случилось потом. Мне нечего сказать в свою защиту. Знаю только одно: я не могла убить. Ни в каком состоянии я не способна поднять руку на живое существо, будь то зверь или человек. Тем не менее, все улики против меня. Я уверена, произошло какое-то ужасное недоразумение. Только мне никто не верит, и полиция не собирается искать дальше. Теперь мне грозит огромный срок...

На этом остановлюсь. Не хочу отнимать у Вас время на чтение подробностей. Расскажу, если Вы сочтете возможным взяться за мое дело. Оно выглядит безнадежным, понимаю. И все же прошу Вас, Алексей Андреевич, – нет, умоляю!!! – хотя бы попробуйте помочь мне. По отзывам, нет такой загадки, которую Вы бы не разгадали. Вы моя последняя надежда.
Ася Каверина»

Алексей Кисанов оторвался от чтения, сложил письмо и посмотрел на человека, сидящего по ту сторону письменного

го стола. Молодой мужчина в дорогом элегантном костюме – светло-серая шелковистая ткань, жилет в тон, белая рубашка и темно-серый галстук (в таком облачении уместнее ходить на светский прием, чем к частному сыщику), – ответил ничего не выражающим взглядом. Если не считать за «выражение» нескрываемое самодовольство.

– Что думаете вы? – обратился к нему детектив.

– Ничего, – пожал тот плечами. – Органы дознания предполагают ее виновность, раз вынесли обвинительное заключение. Окончательное решение примет суд. Я же ее адвокат. Мне без разницы. Мой долг ее защищать, и не важно, убийца она или нет.

Судя по пафосу, с которым была произнесена эта банальность, молодой человек ощущал себя героем сериала про юристов. Наверное, подобные дешевые заявления производят впечатление на юных девиц, которым еще невдомек, что пафос и самолюбование есть признак умственной недостаточности. Впрочем, в юности Алексей и сам о таких вещах не подозревал. Исходя из демократической идеи, что внешность не главное, часто делал ошибки в оценке людей. Пока однажды не осознал абсолютную ложность одной идеи и не понял: суть человека обязательно отражается в его физических чертах, а особенно в том неуловимом, что исходит от выражения глаз, лица, от жестов и даже осанки. А уж в интонации речи и подавно. И теперь он ясно видел: парень сделал карьеру адвоката исключительно ради социального статуса и

доходов. Хлыщ, одним словом.

– Суд уже назначен? На какую дату?

– Пока не назначен. У нас есть легальные сроки для ознакомления с обвинением, но я постараюсь потянуть время – в разумных пределах, конечно.

– Потяните. Это даст мне пространство для маневра...

Кто вас нанял? Ася?

– Ее отец, Каверин Серафим Петрович.

– Вас ему кто-то рекомендовал или он просто обратился в контору?

– Я в рекомендациях не нуждаюсь. Я с блеском выиграл несколько дел для его строительной компании.

Ща треснет, подумал Алексей Кисанов, глядя на надутую физиономию адвоката.

– Так что передать моей подзащитной? Вы беретесь за дело?

– Пока не могу дать ответ. Мне нужно узнать подробности.

– Да какие там подробности! Все тут, в досье. Они с мужем отмечали потрясающую дату: месяц как поженились, – ухмыльнулся адвокат. – Понятно, выпили. И не два бокала, как она в письме пишет, а целую бутылку шампанского уговорили на двоих: муж сказал, официант подтвердил. Но Ася вообще раньше не пила, то есть никакого алкоголя, никогда, вот ее и разобрало. Ей стало плохо, муж повез ее домой. По дороге машина сломалась, он остался ждать техпомощь, а

Ася пошла домой, они уже недалеко были. В соседней квартире орал ребенок, он всегда орет и всех достал, – соседи дали дружные показания. И Ася не раз устраивала по этому поводу скандал его матери стучала в дверь и требовала ее выпустить, чтобы показать, как правильно обращаться с малышом. Сама Ася – педиатр, ее раздражают родители, неспособные успокоить своих чад. А в тот вечер, под действием алкоголя, у нее совсем крышу снесло. Она вломилась к соседке и забила ее мешком с песком. Знаете, есть такие мешки для занятий йогой, там килограмм пять будет. А соседка как раз йогой и занималась, по словам экспертов. Ребенок орал, соседи слышали, а она в асане сидела, медитировала. Ну и все, Ася такого зрелища не вынесла, отправила ее в нирвану с помощью мешка. Потом она потеряла сознание, а жертва скончалась от кровоизлияния в мозг. Люди слышали крики, вызвали полицию, там и муж Асин подгрёб. Ее нашли в чужой крови, окровавлены руки и мешок этот с песком, она им все лицо жертве расквасила. Тело увезла труповозка, Асю отправили в больницу приводить в чувство, ну и анализ взять на алкоголь. За ребенком приехала какая-то родственница. К утру Ася пришла в себя, и полиция забрала ее на допрос. А она заявила, что ничего не помнит. Держите, – адвокат протянул детективу красивую папку, – тут копии практически всех материалов уголовного дела, но они ничего не добавляют к тому, что я вам рассказал. Не стоит и время терять, поверьте уж...

– Об этом мне судить, – сухо прервал его детектив. – Что случилось с их машиной?

– Не знаю. Мотор заглох. Муж вызвал техпомощь, в ожидании повозился с мотором сам и сумел его завести.

– Что показал анализ крови?

– Чуть больше ноль три промилле. Но с того момента, когда Ася с мужем пила шампанское, и до анализа прошло часа два. Содержание алкоголя уже снизилось.

– Все равно его было недостаточно, чтобы прийти в неконтролируемое состояние, да еще и память потерять.

– Ася никогда раньше не пила алкоголь, говорю же, да еще шампанское: от него пьянеют быстрее, потому что в нем содержится углекислый газ, вы же знаете? Я на этом собираюсь строить защиту, – и молодой адвокат гордо посмотрел на детектива. – Индивидуальная реакция, которую человек не мог предвидеть.

Алексей ничего не знал об индивидуальных реакциях на алкоголь, – слышал только, что у некоторых бывает аллергическая сыпь, не более того, – и заявление адвоката ему показалось сомнительным.

– Кроме алкоголя, анализы что-нибудь показали? Возможно, наркотические, психотропные вещества?

– Нет. Наркотики она не употребляла, это все подтвердили, – заверил адвокат. – Так что сказать моей подзащитной? Возьметесь за ее дело?

– У меня пока недостаточно информации.

– Я ведь вам все рассказал!

– Этого мало.

– Бросьте. Вам же готовы платить – так какая тогда разница? Поковыряетесь в деталях какое-то время и скажете: извините, дамочка, все улики против вас. А деньги-то в любом случае получите!

Кисанову ужасно захотелось дать хлыщю пинка под зад. Да вот незадача: нельзя. Ни закон не позволяет, ни этика: неправильно бить человека только за то, что он туп и эгоистичен. Иначе придется поколотить добрую половину человечества.

– Вы достаточно давно знакомы с ее отцом, как я понял. Каковы его отношения с дочерью?

– Очевидно, нормальные, раз он платит мне и готов платить вам. А вы почему интересуетесь?

– Собираюсь с ним встретиться. Поэтому хорошо бы представить заранее, что он за личность.

– С ним встретиться? Не с Асей?

– С ней потом.

– Станный у вас подход... Ну вам виднее. Серафим Петрович – работяга, строитель. Разбогател в девяностые, став начальником строительного управления, но его менталитет остался прежним: работяга. Да и внешность тоже. Лужкова, мэра московского, помните? Вот, в таком примерно духе.

– Телефон Серафима Петровича тут есть? – детектив указал на папку, которую принес ему адвокат.

– М-м-м... Не помню. У меня он в сотовом, секундо-
чку... – адвокат заглянул в свой телефон и принялся дикто-
вать.

– Спасибо. До свидания, – вежливо произнес детектив, за-
писав номер.

Адвокат заметно удивился – похоже, ожидал больше рас-
спросов со стороны сыщика – но ничего не сказал, лишь кив-
нул в ответ. Однако у входной двери он вдруг притормозил.

– Интересно, почему у вас нет офиса?

– А вы находитесь где?

– В старой квартире, в которой даже не потрудились сде-
лать евроремонт. И хорошенькой секретарши у вас нет.

– А вам что за дело?

– Если вы недостаточно зарабатываете, вряд ли вы хоро-
ший сыщик.

– Секретарши у меня нет, это верно, зато у меня есть сек-
ретарь. И если вы сию минуту не покинете мой кабинет, он
вам поможет. У него черный пояс по карате.

* * *

Алексей Кисанов сказал чистую правду: секретарь у него
имелся. И не какой-нибудь хлыщ, а крутой парнишка, вла-
девший тремя видами рукопашного боя, включая карате.
Помимо данного ценного навыка, Игорь Крымов обладал ря-
дом других достоинств, но, главное, за время работы у Алек-

сея он уже и сам стал толковым детективом.

Да вот незадача: в данный момент Игорь пребывал в Канаде, куда уехала учиться по гранту его девушка Кристина. Он поехал с ней, чтобы помочь обустроиться на новом месте¹.

После ухода адвоката Алексей отправился на кухню, приготовил себе кофе и вернулся в кабинет. Детектив действительно часто называл его *офисом*, поскольку там он принимал клиентов, там же работал над делами, с которыми к нему обращались. На самом деле кабинет этот находился в просторной трехкомнатной квартире на Смоленке, которую Алексей унаследовал от родителей, а те от своих родителей, «красной профессуры». Слово «унаследовал», конечно, не совсем точно: при советской власти жилье, не являясь собственностью проживавших в нем граждан, переходило не по наследству, а к тем, кто был в нем прописан. Разумеется, бабушка с дедушкой прописали там своего ребенка, а тот – сына Алешу. Последний приватизировал квартиру после перестройки.

Всю свою жизнь он прожил здесь, и лишь когда у них с Александрой родились двойняшки, они купили новое жилье в зеленой зоне Москвы, подальше от пыли и шума Садового кольца². Но со своим «родовым гнездом» Кисанов расста-

¹ Об отношениях Игоря и Кристины читайте в романах Татьяны Гармаш-Роффе «Ведь я еще жива» и «Завещание с того света».

² О перипетиях, связанных с покупкой этой квартиры, читайте в романе Татьяны Гармаш-Роффе «13 способов ненавидеть».

ваться не захотел: с ним связаны дорогие сердцу воспоминания. Да и центр Москвы весьма удобен: клиент всегда может достаточно быстро добраться с любой окраины города. Кроме того, с тех пор как Алексей начал частную практику (еще холостяком), – он выделил одну из комнат ассистенту. Первым был Ванек, а сейчас там обитал сменивший его Игорь. Отнюдь не потому, что ему негде жить, – у него имелся весьма состоятельный папа, талантливый ученый, сумевший выгодно продать свои изобретения, и у папы – весьма просторное жилье в престижной новостройке в центре Москвы. Однако Игорю нравилось жить у детектива.

А детективу нравился его старый кабинет. Это было самое лучшее место для интеллектуальной работы. Там, казалось, даже стены научились размышлять, – все-таки три поколения работников умственного труда прожили в них. И никакой «офис» не нужен!

Хотя, надо признать, в одном Аркадий Васильевич – так звали адвоката – прав: ремонт хоть и делался года... хм, четыре, что ли, назад, но без претензий. Без всякого «евро», под которым вообще непонятно что подразумевается. Будто существует единая страна «Европа», и там у всех одинаковый вкус и стиль. Что никак не соответствовало реальности, поскольку вкус, условно говоря, обитателей Германии не таков, как у французов, а у итальянцев не таков, как у шведов. «Евроремонт» придумали, без сомнения, доморощенные пиарщики из среды тружеников ремонтного фронта, на-

бывшихся в денежную Москву со всех окраин бывшего Союза, чьи познания о «Европе» складывались в лучшем случае на отдыхе в Турции...

Алексей пристроил чашку с кофе возле компьютера на огромном письменном столе, еще бабушко-дедушкином. Своими размерами он напоминал палубу корабля, сходство нарушала лишь инкрустированная столешница. Алексей этим столом чрезвычайно дорожил и ни за какие коврижки не променял бы его на современный, будь он хоть в сто раз функциональнее.

Отодвинув клавиатуру в сторону, Кисанов раскрыл папку адвоката и принялся перебирать страницы уголовного дела. Что ж, придется признать, что краткое резюме Аркадия Васильевича было точным. И это огорчало. Поскольку никакой зацепки оно не содержало.

Итак, Ася искренне убеждена в своей невиновности. Но из этого еще не следует, что она невиновна. Она не способна поднять руку на живое существо, как пишет в письме, сомнений нет. Но никто не может поручиться за себя в измененном состоянии сознания. А вдруг в нем человеку видятся не живые существа, а, к примеру, механические крысы? Шутка, конечно... Насчет крыс. На самом деле могут привидеться и крокодилы. Или еще какие твари. А человек давай отбиваться от них чем попало... Мешком для йоги, к примеру.

Вот только откуда бы взяться измененному состоянию со-

знания? Шампанское не вызывает галлюцинаций.

Да, конечно, Ася к алкоголю не привыкла... Но, скорее всего, что-то иное сработало. Все единодушно подтвердили, что наркотиками Ася не увлекалась. Однако, как знать, вдруг она принимала антидепрессанты? В сочетании с алкоголем они способны дать непредсказуемый результат. Вспомнить только дело Аиды, где заурядный феназепам, запитый водкой, отправил среди ночи ее сестру Манон на поиски опасных приключений³...

Вот только кровь Аси проверили исключительно на наличие алкоголя, следов психотропных препаратов никто не искал. Теперь же искать бесполезно: если в венах Аси что и было, то давно испарилось.

Тем не менее, странным казалось не только ее поведение, но и провал в памяти... Впрочем, психологии известны случаи, когда у человека, совершившего очень дурной поступок, происходит провал в памяти как подсознательная защита от страшной информации. Причем без всяких психотропных веществ.

Как бы то ни было, для начала детективу необходимо составить мнение о виновности Аси. Да, фактов мало, и все очень зыбко – и все же следует расспросить ее близких, нарыть как можно больше информации. Тут есть некоторые телефоны, – Алексей Кисанов снова открыл папку, оставленную ему адвокатом. Надо встретиться с ее отцом и младшей

³ См. роман Татьяны Гармаш-Роффэ «И нет мне прощения».

сестрой Полиной... Пожалуй, лучше даже начать с сестры. Расспросить о детстве: вдруг Ася с малых лет неврастеничка. Ну и дальше по всем этапам взросления. Ей двадцать шесть, так что этапов не шибко много, долго говорить не придется. Главное, узнать о лекарствах, о врачах: не наблюдалась ли у психиатра или иного специалиста из смежной области...

Алексей выписал телефон Полины Кавериной, набрал номер. Ему ответил приятный девический голос. Полина согласилась встретиться с ним без промедления, через полчаса в центре, в кафе на Пушкинской площади.

Затем детектив дозвонился до отца Аси, Серафима Петровича, до ее мужа Андрея Изюмова и до нее самой: ее выпустили до суда под залог, и она находилась у себя дома. Условился о встречах со всеми.

Перед уходом Алексей нашел в интернете, на сайте товаров для занятий йогой, брезентовый мешок с песком – точно такой же, как орудие преступления на фотографии в деле Кавериной, – позвонил и договорился, что заедет за ним на склад сайта ближе к вечеру.

Сестра

– Наркотики? Бог с вами, никогда! Откуда у вас такие подозрения?! – звенящим от возмущения голосом воскликнула Полина в ответ на вопрос детектива.

Младшая сестра Аси оказалась привлекательной малень-

кой шатенкой с живыми глазами, прелестным ротиком сердечком и ладненькой фигуркой с пышными формами. Карие глаза Полины, устремленные на сыщика, полыхали темным огнем. От негодования девушка даже расплескала свой чай.

Они сидели в очень уютном кафе, которое выбрала для встречи Полина. Алексей заказал, как водится, эспрессо, а девушка – зеленый чай и какую-то плюшку.

– Э-э-э, так дело не пойдет, Полина, – детектив передал девушке салфетницу, стоявшую ближе к нему. – Я пытаюсь спасти вашу сестру от обвинения в убийстве, о чем вас сразу предупредил. Для этого я должен разобраться в случившемся. Я выразился ясно или нет? – Алексей немного повысил голос.

– Ясно... – смирилась Полина.

– И вы понимаете, что вопросы я задаю ради спасения вашей сестры, а не ради обвинения?

– Нет!

– То есть не понимаете? – удивился детектив.

– Вы не ищете доказательств невиновности Аси! Вы пытаетесь разузнать, не наркоманка ли она!

Алексей помолчал, попивая кофе. Он знал за собой этот недостаток: нередко он слишком сжато формулировал мысль, пропуская промежуточные, связующие звенья, отчего собеседник не улавливал нюансы.

– Ладно, – покладисто ответил он. – Давайте еще раз. Ася либо убила соседку, либо нет. Если не она – то это сделал

кто-то другой, а ваша сестра неудачно оказалась на месте преступления. Но прежде чем начать поиски этого убийцы, я должен убедиться, что не Ася совершила преступление. Вы следите за мыслью?

Полина кивнула, и детектив продолжил:

– В нормальном состоянии Ася убить эту женщину не могла. У нее даже нет мотива. Неумелое обращение соседки с младенцем ведь не мотив для психически здорового человека. Значит, если считать, как полиция, что Ася все-таки забила свою соседку насмерть, придется предположить, что у вашей сестрицы крыша... В смысле, произошло затмение разума. Но оно не происходит без причины. Кроме того, факт, что Ася ничего не помнит о произошедшем, заставляет заподозрить влияние неких психотропных препаратов. Поэтому я спрашиваю еще раз: принимала ли Ася какие-либо средства, способные повлиять на ее психику?

– Она не была наркоманкой, я вам уже сказала! Она ведь врач! Педиатр!

Алексей посмотрел на девушку. Говорила она убежденно, что хоть и не на сто процентов (мало ли, вдруг она просто не все знала о сестре), но вызывало доверие.

– А я и не думаю, что ваша сестра баловалась наркотиками. Я спрашивал о психотропных веществах в широком смысле. Например, не принимала ли Ася антидепрессанты.

– Насколько я в курсе...

– Ваша фраза, – перебил ее Алексей, – однозначно свиде-

тельствует о том, что наверняка вы не знаете. Поэтому зайдем с другой стороны. Припомните детство: не была ли Ася излишне впечатлительна?

Полина нахмурилась, и детектив понял, что попал в точку.

– Я собираюсь расспрашивать и других людей из окружения Аси. Так что лучше говорите правду, – мягко посоветовал детектив.

Девушка все никак не могла решиться и молчала, боясь навредить этой правдой сестре.

– Послушайте, Полина. Если даже мне не удастся доказать невинность Аси, то любые факты, свидетельствующие о ее впечатлительности, помогут вашему адвокату. Он ведь собирается строить защиту на индивидуальной реакции на алкоголь, вы в курсе?

Девушка кивнула.

– Так рассказывайте!

– Да, Ася была очень чувствительной с детства... Не выносила жестокости по отношению к слабым, будь то животные или люди. Я тоже, конечно, не выносила, когда обижают слабых, но Ася реагировала так остро, будто с ней лично дурно обращались, ей лично причиняли боль. Как-то – ей лет девять, наверное, было – она дала хорошего пинка своей однокласснице, которая шла и нарочно наступала на божьих коровок: в то лето их развелось необычайно много, а однокласснице нравилось, как они хрустят под ее подошвами. Ася тогда кричала: ты не понимаешь, что они ЖИВЫЕ??? А

ты – ты убийца!!! При том, что Аська была слабее, и та девочка ее ущипнула несколько раз так больно, что моя сестра пришла домой в синяках. Представляете?

Алексей кивнул. Он знал: есть люди, которые остро чувствуют чужую боль. Жаль, что их мало на планете.

– Постарше, лет четырнадцать или пятнадцать, – продолжала Полина, – Ася схватила за руку взрослую женщину, которая лупила своего ребенка на улице, и принялась ей объяснять, что бить маленьких нехорошо. Ее не остановило то, что женщина выше и сильнее, – она могла и Асю ударить... – Полина глотнула зеленого чаю и откусила кусочек плюшки.

«Если не удастся спасти Асю от суда, то надо будет подключить к ее адвокату хорошего психолога, – подумал Алексей, – например, Веру⁴. Она отлично опишет «индивидуальную реакцию» на основе этих рассказов...»

– А вот еще такой был случай, – тем временем начала рассказывать Полина. – Мы гуляли в лесопарке возле Канала имени Москвы, Асе было восемь лет, мне четыре... Стоял май, на редкость жаркий, и мама – тогда она еще была с нами – разрешила нам побегать по прибрежной полосе. Жгуче-жаркое солнце и жгуче-ледяная водица своим противоречивым сочетанием вызвали у нас восторг, мы просто задыхались от счастья... Но к вечеру Ася слегла. Сначала врач ставил диагноз «острое респираторное заболевание», прописал

⁴ Историю Веры читайте в романе Татьяны Гармаш-Роффе «Шалости нечистой силы».

лекарства, но сестренке становилось все хуже и хуже. Она была бледненькая, есть и пить отказывалась, ее тошнило от всего, даже от глотка воды... Она почти ни на что не реагировала, глазки все время закрыты, будто спит... Родители приставали: «Что у тебя болит, Асенька?» Она отвечала: «Ничего...»

На третий день мы с мамой и папой повезли ее в Филатовскую больницу: мы все, хоть и не понимали причин, чувствовали, что Ася умирает. А там врач, выслушав историю о прогулке в лесу, сказал: «Вовремя вы ее привезли. Еще день, и вы бы ее потеряли. Девочка очень впечатлительная, как все рыженькие, к тому же левша, натура тонкая; у нее высокая возбудимость, и от избытка эмоций у ребенка начался ацидоз»... Я до сих пор не знаю толком, что это такое, – я в литературе хорошо разбираюсь, на филологическом учусь, а в болезнях нет. Но смысл в том, что у нее в организме возникло слишком много кислоты, и вылечили ее... Вы не поверите! Клизмой с содой, разведенной в теплой воде! Сода нейтрализовала кислоту, и Ася на глазах ожила, за несколько коротких минут, будто сказочная царевна из гроба встала! Появился румянец на щеках, глаза открылись, она стала улыбаться... А я тогда еще подумала, помнится: хорошо, что я не рыжая!

– После того случая она наблюдалась у какого-либо психиатра или психолога? Прописывали ли ей успокоительные средства?

– Тогда да, мама давала ей какие-то настойки. Но такие случаи больше не повторялись. Не помню, чтоб Асю лечили от повышенной возбудимости... Вы должны понять, Алексей Андреевич: да, слишком сильные эмоции, даже положительные, могут привести к негативным изменениям в организме. Но тогда речь шла о сбое в работе печени, а вовсе не о сдвигах в психике!

– Да-да, – откликнулся Алексей Андреевич, умиляясь нахальству малолетней девицы, полагающей, что она способна открыть на что-либо глаза человеку вдвое старше ее. – Я это понимаю, не беспокойтесь.

Он не стал объяснять Полине, что повышенная впечатлительность может привести, в случае негативных событий в жизни (как любовные разочарования, к примеру), к депрессии, а депрессия – к антидепрессантам. Полина запросто могла не знать о сердечных страданиях старшей сестры. В раннем детстве малыши практически неразлучны – уже хотя бы потому, что одного из них не оставишь дома без присмотра. Однако позже, с взрослением, детей разводит разное расписание в школе, различные кружки и секции, разные компании друзей. Каждый из них начинает жить достаточно независимой жизнью.

Алексей просто записал в своем смартфоне: «Спросить у отца и мужа по поводу антидепрессантов». Хотя интуиция ему уже подсказывала, что...

Впрочем, на интуицию полагаться нельзя. Пусть она из-

меняет редко, – но станешь ли ты полностью доверять женщине, которая изменила тебе всего лишь один раз?

– Вы с Асей были всегда близки? Делились секретами?

– То делились, то ссорились... Ну как все сестры.

– А теперь?

– Лучше, чем раньше, – засмеялась Полина. – Мы ведь теперь обе взрослые и умные. Четыре года разницы больше не считаются.

– Что скажете о муже Аси?

– Классный парень. Мне бы такого!

– Вот как?

– Красавчик, хорошо воспитан, заботливый, щедрый...

Мечта.

– Похоже, он влюбился в Асю с места в карьер, – забросил удочку Алексей, надеясь услышать подробности.

– Да уж... Остается только позавидовать. Белой завистью, конечно! Я сестренку люблю и желаю ей счастья, – торопливо исправилась Полина. – А у меня тоже, не поверите, случилась почти аналогичная история... Только без продолжения, – добавила она грустно. – Мой принц сбежал.

– Неужели? От такой девушки, как вы? – грубо польстил детектив, алчущий подробностей. Каждое новое лицо в этой истории могло дать зацепку, поскольку интуиция... хоть и изменница, да!.. уже нашептала, что вряд ли Ася виновна.

Полина пожала плечами.

– Мужчины сбегают не от девушек, – назидательно произ-

несла она. – Они сбегают в силу собственной несостоятельности! Просто я тогда подумала, что это судьба: Кирилл тоже из Канады, как Аськин Андрей... И тоже из наших эмигрантов. Хорошо говорит по-русски... Мы познакомились тут, в этом кафе на Пушкинской площади. Он был с сестрой, они вместе решили посетить историческую родину, так сказать... Она младше, говорит с небольшим акцентом, ужасно забавным. Мы разговорились, они пересели за мой столик. Потом гуляли по Москве, я показывала мои любимые места – Бронные улицы, Патриаршие пруды, дошли до Никитских... Прекрасно провели почти три часа и договорились встретиться на следующий день в том же кафе. Я хотела познакомить их с Асей и ее мужем, он ведь тоже из Канады. Мы пришли первыми, а когда явилась моя сестра со своим новоиспеченным супругом, то Кирилл стал на нее так пялиться, что мне немедленно захотелось уйти! Ася хорошенькая, да, но не красивей меня! К тому же он знал: она будет с мужем. Я не понимаю, что он в ней...

Алексею Кисанову стало скучно. И, поскольку Полина удрученно умолкла, не договорив фразу (понятную и без того), он воспользовался паузой, чтобы сменить тему.

– Полина, а ваша мама...

– Умерла. Давно. Мне было десять, Асе четырнадцать. Но сначала она ушла от папы. Он не отдал ей нас... Мама очень переживала, только у него уже тогда была определенная власть, связи, он сумел нас оставить при себе. С мамой

мы виделись раз в две недели. А потом у нее обнаружили рак...

– И с момента развода вашим воспитанием...

– Занимался отец. Если это можно назвать воспитанием, конечно.

– Что, строг был?

– Строг? Нет, это не так называется. Самодур – вот как.

– Да ну?

– А как вы назовете человека, который загребает миллионы, а при этом его дочери не имеют денег даже на карманные расходы?! У папаши средневековые представления о жизни. Ни на дискотеки не пускал, ни на вечеринки, даже на модную одежду денег было не выпросить!

– Сочувствую...

– Он Аське даже денег на свадьбу не дал! Мы, видите ли, богатые наследницы, отчего в каждом парне наш отец предполагает охотника за деньгами – его деньгами! Хотя на самом деле это девушкам надо охотиться за такими, как Андрей! С Аськой он совершил чудо: она всегда была сдержанная и закрытая, будто бесплотная, сотканная словно из воздуха, а тут вдруг неожиданно превратилась в страстную женщину, сияющую от счастья. И даже отцу принялась перечить, отстаивать свою любовь и право на замужество, пусть и скоропалительное. Страсть сделала ее сильной, понимаете?

– А о конфликте Аси с соседкой что вам известно? Похоже, ваша сестра не раз ругалась с ней...

– Ася считала ее самовлюбленной истеричкой с завышенными требованиями к окружающим. Отец ребенка ее бросил еще беременную – и Ольга будто вымещала на своем крошечном сыне злость. В самый первый раз, когда Ася поступалась к ней, Ольга ее впустила. Дите кричало, а она делала маникюр. Малыш был мокрый и голодный... Моя сострадательная сестрица тут же кинулась его переодевать и кормить, а потом усадила перед собой Ольгу и принялась ей втолковывать, как надо обращаться с ребенком. Ася ведь дипломированный педиатр, она имела право давать советы! Но Ольге ее советы по барабану. Малыш по-прежнему часто заходил от крика, только Ольга больше Асю в свою квартиру не выпускала. Андрей пытался уговорить Асю не принимать так близко к сердцу чужие проблемы, отключаться от детского плача, будто его не слышишь. Он обещал, что как только сумеет продать свой бизнес в Монреале и найти что-то адекватное в Москве, то купит новую большую квартиру в хорошем районе. Потому что папаша наш раскошелился на две малогабаритные двушки, мне и сестре, на окраине Москвы в старых гнилых девятиэтажках, где даже через два этажа слышен каждый пук... Ася была так счастлива, так полна любовью своего Андрюши, так верила в их грядущую красивую жизнь... И вдруг это жуткое убийство! Теперь ей грозит суд, тюрьма... Не могла она забить Ольгу до смерти, Алексей Андреевич, поверьте, не могла!

Полина всхлипнула.

Да верил ей Алексей Андреевич, верил. Но полученная информация, увы, была не в пользу Аси. Ее природная сострадательность, легкая возбудимость, почти неконтролируемое стремление опекать страждущих – все эти черты могут в суде только усугубить впечатление, что Ася способна на убийство. Она рвалась спасти ребенка, защитить его от равнодушной матери – и под влиянием алкоголя, ничего не соображая, вполне могла убить ее.

В суде подумают, скорее всего, именно так. Потому что люди, как правило, судят поверхностно, не вникая в нюансы. А нюансы тут имелись. Например, такие: как бы ни негодовала Ася в юности, никому вреда она ни разу не причинила. Теперь же она взрослая женщина и намного лучше управляет своими эмоциями. По крайней мере, в нормальном состоянии.

Теперь о «нормальном состоянии». По свидетельству сестры, психотропных лекарств Ася не принимала; человеком была уравновешенным, со вполне здоровой нервной системой. Да, она имела большой зуб на нерадивую соседку – но большинство женщин сердобольны, им свойственно жалеть и помогать разным несчастным, а уж тем более если это младенец. Александра, жена Алексея, тоже не прошла бы равнодушно мимо. А в случае, если бы мать ребенка не взялась за ум, то Саша нашла бы, куда сообщить. Она журналистка, люди нередко ей пишут о своих проблемах, и Александра знает, в каких инстанциях их надо решать. Ася то ли

не знала, то ли не до того ей было – она ведь влюбилась, готовилась к свадьбе, ссорилась с отцом: слишком много личных событий, чтобы вплотную заниматься чужими проблемами. Однако проходя мимо соседкиной квартиры, Ася не раз пробовала усовестить нерадивую мать...

Но убить? После лишнего бокала шампанского?

По показаниям официанта, они с мужем выпили бутылку на двоих. А по показаниям мужа, Ася выпила большую часть, примерно две трети – он вел себя разумно, так как был за рулем. Она захмелела, конечно, но муж не беспокоился, – ведь ей машиной не управлять. На обратном пути она спала, пока супруг ее не разбудил, когда мотор заглох. Вот это естественная реакция на алкоголь: заснуть. Еще естественнее было бы, если б Асю стошнило, но упоминаний об этом в деле нет.

Итак, Ася добралась до дома, пошатываясь (по свидетельству мужа). Услышала, что ребенок кричит. Каким-то образом попала в квартиру Ольги (которая давно перестала открывать ей дверь). Но откуда у нее оказались силы, чтобы забить соседку до смерти? Ася, скорее, сама бы рухнула под тяжестью мешка, едва только им замаяхнулась, – коль скоро была так пьяна! К тому же Ольга должна была сопротивляться, – значит, Асе понадобилось бы вдвое больше сил.

Возможно, Ольга спала? Но кто в таком случае открыл Асе дверь?

А если дверь оказалась не заперта, – то почему?

Следов взлома полиция не нашла. Кто-то убил Ольгу до Асиного прихода и оставил дверь открытой?

Странно все это, странно...

Покинув Полину, Алексей направился на встречу с отцом девушек, Серафимом Петровичем Кавериним, и в дороге продолжал размышлять. На самом деле, это самый главный вопрос: как Ася попала к соседке, Ольге Кучеровой. Поскольку дверь никто не ломал, то варианта лишь два: либо дверь оказалась незапертой, либо женщина сама открыла Асе. Что странно после всех конфликтных ситуаций, о которых упоминали их общие соседи и Полина.

Ася ничего не помнит. Соседи никаких переговоров не слышали, хотя в предыдущие разы Ася разговаривала с нерадивой мамашей через дверь довольно громко, на повышенных тонах. Возможно, их голоса заглушали телевизоры, которые у всех в тот вечер работали: шел какой-то популярный сериал. Зато потом до соседей донеслись крики. Или в этот момент просто сериал закончился и потому они услышали?

Хорошо бы в этом разобраться. Это помогло бы установить хронологию. Узнать, сколько времени прошло с момента, когда Ася вошла в квартиру жертвы, – и до момента, когда обеих нашли соседи. Это важно.

...Итак, в какой-то момент на лестничной площадке стали слышны крики: плакал ребенок («визжал», по выражению одной из соседок) и громко кричала женщина – причем

непонятно, какая из них, жертва или убийца. Или обе сразу. Потому что женщина тоже «визжала». Именно на этот общий визг соседи и среагировали. Сначала выскочила пара, муж и жена средних лет из ближней квартиры, и принялись звонить в дверь, крича: «Ольга, откройте, что там у вас происходит?!» На их возбужденные голоса высунулась и другая соседка, но сразу же исчезла за своей дверью. В квартире Кучеровой к этому моменту женский визг уже стих, только ребенок все кричал, и супруги стояли в растерянности перед дверью. Затем мужчина решился и толкнул дверь. Которая оказалась незапертой.

Их взорам предстало зрелище: на полу, на коврике для занятий йогой, лежала Ольга с разбитым до неузнаваемости лицом, а рядом с ней лежала Ася Каверина. Хозяйка оказалась мертва. Ася – жива, но в глубоком обмороке. Ее пальцы были продеты в ручку окровавленного мешка с песком. Этим мешком Ольгу и забили до смерти, как позже установила экспертиза. И все указывает на то, что убийца Ася: помимо самой мизансцены, весьма красноречивой, ее отпечатки обнаружались на окровавленной ручке, будто Каверина крепко ее сжимала, нанося удары.

Соседи вызвали полицию и «Скорую помощь», а вскоре и Асин муж подтянулся. Увидев все это, парень чуть умом не тронулся, по свидетельству, опять же, соседей. Все кричал: «Ася, любимая, что ты натворила?!» Но она его не слышала, в сознание так и не пришла. Врачи ее увезли и только в боль-

нице сумели откачать. Однако выяснилось, что Ася ничего не помнит. Ни как пришла к дому, ни как попала к соседке, ни что там делала. Ничего, просто совсем ничего...

Ну и задачка.

Отец

– Они считают, что знают все лучше, чем я, чем мы, наше поколение! – Серафим Петрович, коренастый и грузный, довольно резво передвигался по своей квартире. Детектив шел за ним. – А с какой такой стати, а? Что им за истина такая открылась, скажите? Компьютеры со смартфонами их новой философии научили, что ли? Вот уж нет, мораль – одна. На веки веков. Никакой новой не существует. Эти их новшества – просто отклонение от морали, вот в чем смысл! Мужчины на мужчинах женятся – это нормально, я вас спрашиваю? Вот вы не считаете, я уверен, что драные джинсы – это разврат. Не считаете ведь, нет? Просто мода, вот и все, как мне дочки говорят. А на самом деле – это такой же разврат, как все... толерасты!

Алексей не нашелся, что ответить, ибо не усмотрел связи между драными джинсами и... толерантностью? или гомосексуализмом?

Квартира была огромной, дичайшим образом обустроенной. По всей видимости, Серафим Петрович, не понимая ничего в дизайне, однако, имея большие деньги, нанял како-

го-то модного специалиста по интерьеру (возможно, проходимца без диплома, таких множество развелось в конце девяностых), и тот напихал в комнаты причудливые и бесполезные предметы, назначения которых хозяин не понимал и относился к ним с некоторой опаской, лавируя среди них, словно между Сциллой и Харибдой.

Наконец, они добрались до гигантских размеров комнаты, которая служила, как понял детектив, гостиной.

– Вот мы и в салоне, – отдуваясь, произнес Серафим Петрович, – присаживайтесь.

Не в гостиной, а в *салоне*, ишь ты. Этому человеку, похожему на репку, слово «салон» решительно не шло. Репкам лучше сидеть на грядке. Сестрам очень повезло, что они внешнею пошли не в отца. Хоть Асю Кисанов видел только на фотографии в ее деле, но и по ней было ясно: девушка весьма милостивая. Видимо, девочки в мать уродились. Хотя нет, они слишком разные... Ну, в кого-то из родни.

Алексей уселся на красный кожаный диван, обрамленный деревянными позолоченными завитушками, на который указал ему хозяин дома. Последний опустился в синее кресло напротив.

– Что вы пьете?

– А что предпочитаете вы? – светским тоном осведомился детектив.

– Водку.

– Ну и мне плесните в таком случае.

– Галя, сообрази нам! – крикнул Серафим Петрович куда-то в глубину квартиры.

Через пару минут на пороге возникла пожилая женщина с подносом, на котором стояли запотевшая бутылка водки и разнообразные закуски – нарезка копченой колбасы, орешки, картофельные чипсы, соленые огурцы и, неожиданно, мисочка с мытой редиской. Серафим Петрович незамедлительно кинул себе в рот яркую редисину и с наслаждением хрустнул. Затем «плеснул» Алексею полстакана водки, не меньше. Себе налил почти до краев. Отхлебнул с видимым удовольствием и продолжил речь о новом поколении и повсеместном разврате – тоже с удовольствием. Любил Серафим Петрович, чтобы его слушали, мудрого.

Незаметно добрались и до Канады, этого мирового оплота греха, и до канадца, Асиного мужа. По мнению Серафима Петровича, именно он виноват в том, что произошло с Асей. Виноват, что девушке голову задурил, виноват, что так быстро женился, виноват, что в ресторан повел и шампанским напоил до беспамятства. Гнусный эмигрантишка, одним словом, без корней и без морали.

– Ася раньше пила шампанское?

– Вы за кого меня принимаете? Я дочек в строгости держал, чтобы правильной жизни научились!

– Но нет ничего дурного в том, чтобы выпить бокал шам. . .

– Нет! – рявкнул Серафим Петрович.

– Например, «обмыть» получение аттестата или дипло-

ма, – гнул свое Алексей.

– Говорю же: нет! Никакого алкоголя, никаких сигарет, никаких мазилок для лица – ничего я им такого не позволял, пока вместе жили! А там уж, когда они съехали... Живут теперь по-своему. Но мое воспитание...

Детективу пришлось выслушать еще несколько тирад о пользе строгого, правильного воспитания, которое формирует характер до конца жизни. Серафим Петрович изрядно ему надоел своей ограниченностью и самовосхвалением, но ни спорить с ним, ни перебивать Алексей не стал, – это лишь вызвало бы новый виток нравоучений. Он просто дождался, когда поток речи иссякнет. Хотя, судя по тому, как комфортно расположился Серафим Петрович в кресле и как наслаждается водкой, постепенно розовея, финал еще не близок. Успеет репка и корни пустить, и ботва зелененькая на лысой макушке прорежется.

– Ася какие-нибудь лекарства принимала? – встрял детектив в какую-то паузу. – Успокоительные или от депрессии? В сочетании с алкоголем они могли дать неожиданный эффект.

– Откуда мне знать? В детстве такого не было, насколько помню. Теперь она живет отдельно, я ей квартиру купил, чтобы самостоятельной стала, когда ей восемнадцать исполнилось. А с тех пор, как этот Андрейка появился, мы и вовсе в ссоре.

– Как и когда они познакомились с Асей?

– Где он подцепил дочку, не знаю. Но отношения у них закрутились мгновенно. И через два месяца они поженились! Я не узнаю свою дочь. Она девочка серьезная, прилежно училась, мединститут закончила с отличием, с мужчинами шашни не водила, – повествовал Серафим Петрович. – И вдруг любовь у нее, понимаешь, без памяти! Да еще с иностранцем!

– Но он, как я понял, русский.

– Ну да, русский... В Канаду эмигрировали его родители, и он теперь канадец, оболтус этот. Только не хватало, чтобы он мою дочь туда увез, в свою развратную страну!

Алексей с пониманием кивнул, опасаясь очередной порции философии от начальника стройки.

– Охотник за наследством, я сразу понял. Аське сказал: не вздумай расписаться с ним, – наследства лишу!

– А у самой Аси деньги есть? Она богатая невеста?

– Вот уж нет. Я дочек не балую, они у меня росли скромными и послушными, я же вам рассказал уже. Никаких там шмоток, модных магазинов, дискотек – всю эту хреноту я не разрешал. И денег не давал. Только чтоб на еду хватало. Остальное пусть сами зарабатывают. Хотя Полька бунтует, но Ася всегда была прилежная девочка.

– Андрей чем занимается? Почему вы решили, что он за наследством охотится? Он беден?

– Говорит, обеспечен. Есть дом, есть небольшой бизнес. Но как проверишь-то? Я частного детектива нанял, чтобы

удостовериться хоть в том, что он за другими девицами не ухлестывает. Но вроде нет, он только с Асей любезничал... Она, дура, влюбилась по уши. Заявила, что плевать ей на наследство и замуж все равно пойдет! Ну, поссорились мы сильно... Не разговаривали, пока ее не арестовали. Они и поженились без меня, свадьбу скромную сыграли, Андрейка вроде бы все сам оплатил. Хорошо хоть не нищий.

– Ваш детектив не проверял, как там дела у Андрея в Канаде?

– Эта женщина, из агентства, Савина Алевтина Петровна, сказала, что поищет контакты. Но пока она чесалась, Аська моя замуж за этого чудилу вышла, и я «детектившу» отставил. Чего уж было искать, все равно они поженились... Одно хорошо: я дочери велел контракт брачный сделать. Чтобы все имущество считалось отдельным. Она послушалась. А вы зачем спрашиваете? Андрейка тут при чем?

– Вы сами сказали, что он во всем виноват.

– Что Аське шампанского подливал, да. Но не в том же, что она соседку прибила! Его там не было, он с машиной возился... И вообще, наследство-то тут при чем?

– Не знаю.

– Так какого хрена время теряете? – взорвался Каверин.

– Послушайте, Серафим Петрович. Вы для чего наняли меня? Чтобы доказать – если получится, конечно, – что Ася невиновна, так? А если мы будем исходить из того, что соседку убила не она, – то, значит, кто-то другой. При чем непо-

средственно перед приходом вашей дочери. Варианта здесь два: совпадение или намеренная подстава.

– И чего теперь? – уставился на Алексея собеседник, моргнув маленькими глазками, утонувшими в толстых щеках.

– Я должен понимать, в каком направлении искать. Если здесь совпадение, то соседку убил кто-то из ее окружения. А если это подстава...

– Аську мою подставили?! – поразился Серафим Петрович. – Что за странная мысль! Да кому же это понадобилось? Ладно бы Андрейка что-то выигрывал, так ведь ничего! Он мне не нравится, уж как есть, но выгоды ему никакой.

– Оставьте мне разбираться, – строго произнес Алексей. – Я сыщик, мне и...

– ...Да флаг тебе в руки. Разбирайся, я тебе плачу за это. Чего еще хочешь спросить?

Серафим Петрович быстро соскочил на «ты», но Алексей не обиделся: в строительном деле все на «ты», так уж повелось.

– Координаты «детективши».

– Она только до их свадьбы следила, с тех пор ничего знать не знает. А ты все-таки хочешь время тянуть! Я лишнего тебе платить не стану, так и знай.

– Не собираюсь. Это на всякий случай.

– Да на какой случай?! Я ж тебе говорю: она...

– Стоп. Вы у себя на строительстве начальник, вот и кон-

тролируйте подчиненных. Я вам не подчиненный. И в моем деле вы ничего не понимаете.

– Я тебе деньги плачу!

– Разумеется, я бесплатно не работаю. И буду действовать, как считаю нужным. Или нанимайте другого детектива.

– Ишь, какой ерепенистый... Ладно, вот, пиши, – Серафим Петрович сунул Алексею под нос свой смартфон с номером Алевтины Петровны Савиной на экране. – Чего еще?

– Пока все.

– Ты, главное, побыстрее давай. Времени у нас мало осталось.

– А что ж вы раньше ко мне не обратились?

Серафим Петрович неожиданно густо покраснел. Почувствовав, что кровь прилила к лицу, он смущенно потер толстые щеки ладонями.

– Да я, это... Я поверил, что Аська соседку убила. Спьяну чего не сделаешь-то... А она к алкоголю непривычная. Это Польша меня уговорила. Все талдычила: не могла Ася, не могла...

Алексей понимающе кивнул и покинул Асиного отца.

Муж

С Андреем Изюмовым детектив встретился в кафе – он специально выбрал нейтральное место, располагающее к непринужденному общению. Асин новоиспеченный муж

оказался весьма симпатичным парнем. Чуть за тридцать, веселые глаза, ежик светлых волос, хорошая фигура. Мимо такого женщины не проходят равнодушно. А уж скромница Ася и подавно устоять не могла, когда он за ней приударил. По словам ее сестры, он стал не только первой любовью Аси, но и первым мужчиной в ее двадцать шесть лет. Что, впрочем, неудивительно, при таком отце-то.

Андрей держался раскованно, отвечал на вопросы охотно, приятно улыбался и излучал обаяние. В том, что он рассказал, детектива ничего не насторожило. Юноша вырос в Канаде и вполне лояльно относился к своей второй родине, однако, когда пришла пора жениться, невесту он вознамерился искать в России. Чрезмерно эмансипированные канадки ему не импонировали, да и самые красивые девушки водятся, как широко известно, в России.

Асю он встретил прямо на второй день. Шел по улице, посматривая по сторонам, и вдруг через стекло – витрину обувного магазина – увидел нечто ангелоподобное. Нежный профиль, волна рыжих волос. Он скорей внутрь магазина – вот она, эта рыжеволосая с белой фарфоровой кожей, длинной гибкой шеей и янтарными глазами. Красавица примеряла босоножки на невысоком каблукке. Что-то не заладилось в сплетении тонких ремешков, и Андрей опустился перед Асей на колени: «Позвольте вам помочь».

Ася глянула на него в изумлении, вспыхнула, смутилась. Она б и ножку отдернула, но Андрей уже крепко держал ее

прохладную ступню в своих теплых ладонях. «Вот так, смотрите: эти ремешки направо, эти налево, а пальчиками сюда пролезаете...» – улыбался принц, надевая хрустальный башмачок.

Из магазина они вышли вместе, Андрей нес коробку с боножками и рассказывал, как приехал в родные края из своего заокеанского далека искать родственную душу для себя и русские гены для своего будущего ребенка. Попутно зашли в кафе, заказали кофе с пирожными – а вышли уже совершенно влюбленными. О лучшей невесте Андрей и мечтать не мог, поэтому сделал предложение через две недели. Ася согласилась.

Еще несколько недель ушли на оформление различных бумаг. Нотариальные переводы, апостиль и прочая ерундистика. И, наконец, свадьба.

Медовый месяц – в классическом его понимании как поездки в экзотические места – они решили не устраивать. Вместо этого Андрей предложил любимой поехать в Канаду в ближайшее, хоть и неопределенное время. И ей развлечение, и дел у него там много. К тому же он собирался оформить их с Асей брак и в Канаде, чтобы молодая жена смогла получить гражданство. Мало ли как жизнь повернется! Андрей считал, что необходимо иметь свободу передвижения. А пока он изучал возможности российского рынка, раздумывал, во что сможет вложить капитал после того, как продаст свой бизнес...

Ну что ж, идиллия. Немного мешало детективу неистовое обаяние Асиного мужа: опыт свидетельствовал, что оно чаще всего свойственно манипуляторам. Нечто вроде приманки, сладкой капли нектара на лепестке венериного башмачка, иначе именуемого мухоловкой: как только глупое насекомое сядет, чтобы полакомиться, тут же лепестки закроются и тончайшие иголочки пронзят тельце, выпивая все соки. Но какие соки, продолжая сравнение, можно выпить из Аси, детектив не видел. В конце концов, бывают же обаяшки без всякого умысла, не правда ли? Природа щедро наградила даром, а человек вовсе не собирается пускать его в ход как оружие...

Итак, голубки поженились, а спустя месяц отмечали в ресторане «юбилей свадьбы», по выражению Андрея. После чего все и произошло.

– Я до сих пор не понимаю, как это могло случиться, – говорил Андрей, грустно глядя на детектива. – И поверить не в состоянии, что Ася убила соседку. Я не так уж давно познакомился со своей женой, но твердо знаю: она человек очень добрый, сердечный. Я несколько раз заходил за ней на работу, видел, как она обращается с детьми, – ласково, заботливо. С их родителями всегда любезна, вежлива – она получила хорошее воспитание, хоть отец ее, между нами, мужлан. Мать их умерла рано, но он нанял для дочерей отличных нянь и гувернанток, интеллигентных женщин, так что у

Полины с Асей прекрасные манеры... Знаете, так часто бывает: когда быдло тем или иным путем становится богатым, то детей воспитывает, как аристократов. Это происходило в Америке, в Канаде. В Европе, наверное, тоже, просто я мало знаю ее историю... И в России видно, как дети «новых русских» возвращаются из Кембриджей и Гарвардов с совершенно иными манерами и идеями. Ну не все, конечно, многие выросли таким же быдлом, как их отцы. Только те воровали и убивали, чтобы сколотить состояние, а «золотая молодежь» спускает его на ветер. Но то же самое было в Америке, вы не подумайте, что я Россию критикую. Наоборот, меня сюда тянуло с тех пор, как меня родители увезли. Некоторые из эмигрантов, уехав, начинают свою родину поливать помоями. Сами себе хотят доказать, что правильно сделали. Каждая негативная информация о России их радует, они торопятся ее друг другу сообщить... Мне неприятны эти люди. Ты уехал – ладно, были причины. Это как развод. Ушел от женщины, ну что ж. Только ее-то зачем поливать? Неблагодарно. Вы как считаете?

Алексей считал, что молодой человек совершенно прав, хотя малость болтлив. Начал об Асе, а вот уже – и двух минут не прошло – рассуждает о психологии эмигрантов... То ли «легкость в мыслях необыкновенная», то ли...

– Согласен, – вежливо кивнул детектив. – От того места, где ваша машина забарахлила, Асин дом виден?

– Нет. А это имеет значение?

– Что с машиной-то случилось?

– Да понимаете, я купил подержанную, на первое время перебиться, пока я свои средства из Канады не переведу, – вот она и бастанула.

– *Бастанула?*

– В смысле, забастовку устроила... Так нельзя сказать, да? Немножко теряешь русский язык, когда долго живешь за границей.

– А в Канаде вы на каком говорите?

– В основном по-французски. Мы во французской Канаде живем, в Монреале. Но по-английски тоже.

– Прекрасный город, я был там однажды... Так в чем оказалась причина поломки? Вы техпомощь вызывали или сами справились?

Андрей не вернулся бы так скоро, если бы ждал техпомощь, подумал детектив. А сам он, как большинство западных людей, в моторах вряд ли разбирается... Что он ответит, интересно?

– Я не знал, куда звонить, чтобы техпомощь вызвать, – я еще не совсем обжился в Москве...

– К слову, ваши родители из какого города? Где до эмиграции жили? – забрасывал Андрея вопросами детектив: *пресинг по всему полю*, на всякий случай – мало ли, вдруг где нестыковочка проскочит.

– В Ленинграде.

– Наверное, первым делом родной город навестили?

– Да, конечно. Сначала в Питер поехал, потом в Москву. Тут Асю встретил, да и застрял, – улыбнулся Андрей.

– Простите, я отвлекся и вас отвлек. Так что же у вас случилось с мотором?

– Не знаю, честное слово! – засмеялся Андрей. – Сам с ним справился. Только не спрашивайте как. Ни черта в машинах не смыслю. Что-то трогал, подкручивал, подверчивал, поджимал... В конце концов, мотор заработал.

Ладно, допустим. Такое случается, рассудил детектив.

– В котором часу вы уехали из ресторана?

– В двадцать один пятнадцать примерно. Ужин пришлось прервать, Асе стало плохо.

– А мотор заглох когда?

– Да я не помню...

– Давайте высчитывать. Из ресторана вы выехали в девять пятнадцать, а мотор заглох в трехстах метрах от дома. Ресторан где находится?

– На Красной Пресне. До дома из центра обычно минут сорок при нормальных пробках.

– А в тот вечер были нормальные?

– Да, кажется...

– Значит, мотор у вас заглох приблизительно в десять вечера.

– Наверное...

– Получается, что Ася пришла к соседке в пять-шесть минут одиннадцатого. Триста метров, если идти обычным ша-

гом, – а Ася вряд ли быстро шла, учитывая ее состояние, – за столько и преодолеваются.

– Получается так.

– А вы когда оказались в квартире Ольги Кучеровой? Сколько времени ушло на починку мотора?

– Не помню... Это важно? Зачем вы время высчитываете?

– Андрей, вы в Канаде чем занимались? Какая у вас профессия?

– Профессия? У меня там бизнес. Небольшой отель в пригороде Монреаля... Почему вы спрашиваете?

– Ну вы так быстро справились с поломкой, не имея навыков... Вот я и решил, что у вас техническое образование, – улыбнулся Алексей. – Значит, вы намерены все продать, перевести капитал в Россию и открыть тут бизнес?

– В общих чертах, да. Но надо все взвесить, разобраться, присмотреться. Тут взятки берут на каждом шагу, непорочно будет. Родители мои говорят, что взятки и при советской власти брали. Только тогда лучше скрывали.

– Вы не были женаты до Аси?

– Был. Развелся. А что? К чему эти вопросы? Вы меня в чем-то подозреваете?!

– Нет.

– Тогда в чем дело? Любопытство неприлично со стороны постороннего человека, я бы уже давно поставил такого на место. Но вы частный детектив, и ваши расспросы имеют какую-то цель...

– Вы любите жену?

– Бесконечно.

– Тогда вы тоже должны быть заинтересованы в том, чтобы я нашел иное объяснение случившемуся.

– Иное? Какое же?

– Понятия не имею. Я рассуждаю просто: если допустить, что соседку убила не Ася, то это сделал кто-то другой, причем непосредственно перед ее приходом.

Лицо Андрея приняло озадаченное выражение.

– Конечно, я мечтаю, чтобы Асеньку оправдали... Но кто же, если не она?

– Тот, у кого был мотив.

– Мотив... Для чего? Убить соседку?

– Или подставить вашу жену.

– Господи... Да кому же могло такое понадобиться?! Ася добрейший человек, она ни на кого – кроме вот этой несчастной соседки – ни разу голос не повысила! Да и то с соседкой ругалась, потому что младенца жалела.

– То-то и оно, – невпопад произнес Алексей. – То-то и оно.

– Вы о чем?

Но Алексей быстро попросался и вышел из кафе.

Ася

Перед тем как отправиться на встречу с Асей, детектив заехал в магазин товаров для йоги, где его уже ждал мешок

с песком, аналогичный орудию преступления.

– Для чего он служит? – спросил Алексей у продавца, рассматривая покупку.

– Для фиксации тела в асане, – подняв удивленно брови, отвечивал тонкий блондинистый юноша непросвещенному посетителю.

Алексей в дальнейшие расспросы пускаться не стал, хоть и ничего не понял. В конце концов, он купил мешок не для занятий йогой. Цель у него была совсем иная.

Хоть Асю и выпустили из тюрьмы под залог, она подавляющую часть времени проводила дома, не желая никого видеть. Не нужно обладать слишком развитым воображением, чтобы понять, как чувствует себя молодая женщина, обвиненная в убийстве... О котором она ничего не помнит к тому же. И не верит, что способна его совершить.

Ася жила в Медведкове в двухкомнатной квартире на третьем этаже старой девятиэтажки – подарок заботливого папаши, помнится. Когда она открыла дверь, Алексей окинул девушку беглым (чтобы не смущать), но цепким взглядом. Она казалась нездорово-бледной: будучи и без того белокожей от природы, Ася теперь, в своем несчастье, окончательно лишилась всех красок, при этом макияжем явно не пользовалась. Немного треугольное лицо с небольшим подбородком – что придавало ей детскости, – изящный разрез светло-карих глаз, шелковистые рыжие волосы до лопаток. Она

напоминала абиссинскую кошку, независимую и в то же время будто постоянно ждущую ласки, доброго слова... Ее легкие, мягкие движения сходство только усиливали. Повинуясь приглашающему жесту, детектив прошел за Асей в комнату, выполняющую функцию гостиной и кабинета одновременно. У окна письменный стол с компьютером, у длинной боковой стены диван, перед ним небольшой стол. Скромная обстановка без малейших претензий: все было в ней функционально, удобно и практично, без оглядки на мнение гостей. Ведь большинство «красиво» (в понимании хозяев) обставленных квартир и домов рассчитаны на похвалу друзей-приятелей, а то и на зависть. Там же, куда ходят не «гости», а лишь очень близкие друзья, которым совершенно пофиг, какие у вас занавески, – там обстановка нередко складывается стихийно.

Скромность в Асе культивировал ее отец, как детективу было уже известно: не следовать моде, не тратить слишком много денег, удовлетворяя лишь насущные потребности. И он явно преуспел в своем воспитании. Даже одежда девушки была чрезвычайно простой: джинсы, синяя ковбойка, из-под которой виднелся верх серой футболки в крапинку. Впрочем, она не слишком скрывала ладную фигуру, и Алексей вполне понимал, чем такая неброская, на первый взгляд, девушка – ни макияжа, ни модных шмоток – могла привлечь красавца Андрея. Этот нежный абрис лица, эти дивные янтарные глаза, рыжие волосы – да на снежном фоне

кожи! – плюс хорошая фигура и грациозная плавность движений могли заморозить не только его. Самое же прелестное в Асе было то, что она не осознавала своей привлекательности.

– Вы предпочитаете стул или диван?

– Стул, спасибо.

Ася устроилась напротив, на диване.

– Андрюша говорит, мы купим новую квартиру и красиво ее обставим, когда он продаст свой бизнес в Канаде и откроет в Москве какое-нибудь дело. Он не сказал, – он хорошо воспитан, – но я знаю: он считает, что у меня нет никакого вкуса, – чуть улыбнулась Ася. – Наверное, он прав. Мне все равно, я к вещам равнодушна. Никогда не было времени ими интересоваться: я училась в мединституте, это съедало все время. А потом начала работать... Это тоже съедало все время... Спасибо, что согласились взяться за мое дело, Алексей Андреевич.

– Из чего, увы, не следует...

– Я понимаю, – мягко произнесла Ася. – Знаю, все улики против меня. Но вы все-таки согласились поискать что-то иное... Хотите, может, кофе? Я не особо любительница, раньше иногда пила растворимый, но Андрюша купил машину эспresso, и, удивительно, такой кофе мне даже нравится. Только пойдемте вместе к машине, я толком не умею ею пользоваться... А Андрюши нет, он оставил меня с вами наедине, он очень деликатный... – лицо Аси осветилось

той мечтательной и томно-нежной улыбкой, с которой иные женщины говорят о своих любимых.

И Алексей вдруг подумал, что никогда не видел подобной улыбки у мужчин. Мечтательность если и присутствовала, то была куда определеннее и конкретнее, – скорее, двусмысленность, где второй смысл отлично угадывался. По крайней мере, мужской же братией.

Он согласился. И потому, что кофе хотел (он выпивал несколько чашек за день), и потому, что беседовать за пустым столом было бы слишком официально. С аппаратом эспрессо Алексей справился быстро, и вскоре они с Асей отнесли в гостиную две чашки и блюдечко с печеньем.

– История вашего знакомства с Андреем весьма романтическая, – заметил он. – Так и просится в сценарий какого-нибудь мелодраматического фильма.

– Да, а люди потом смотрят и говорят: фу, сладкая сказочка, так не бывает! А вот бывает, представьте себе!

И Ася рассмеялась тихим счастливым смехом.

– Вы его очень любите, – констатировал Алексей, окинув девушку добрым отеческим взглядом, будто приглашая ее к исповеди.

Не то чтоб он в чем-то подозревал ее мужа-канадца, нет (не из-за чего), – скорее, хотел убедиться, что в их истории нет нестыковок. Профессиональная деформация, это так называется.

Ася откликнулась мгновенно. Ей было приятно говорить

о любимом – как всем влюбленным.

– Да, – кивнула она. – Я не надеялась встретить такого мужчину, как Андрей.

– Почему? Вы очень миловидная девушка, привлекательная.

– При этом закомплексованная, зажатая, не умеющая подать себя, – усмехнулась Ася. – Я это знаю, я пыталась с собой бороться, но получалось так себе, на троечку... Отец внушал нам с детства, что под словом «любовь» скрывается исключительно сексуальное, физическое томление, которое, будучи удовлетворенным, быстро исчезает, особенно у мужчин. Поэтому любви искать не надо – это блажь, придумки из дурацких фильмов, лицемерная простынка, прикрывающая голые тела, слившиеся в половом акте. Нужно лишь найти подходящего мужа, чтобы создать семью и завести детей. В семье мужчину худо-бедно будет связывать чувство долга. А если начнет шалить, то всегда можно найти на него управу: муж все-таки, брачное свидетельство наличествует. Тогда как с хахалы – это отец так выражался – чего возьмешь? Он клятвами не связан... Вот какую радостную перспективу для юной девушки рисовал наш папа. И я с ранней юности привыкла избегать мальчиков: не хотела, чтобы мои отношения исчерпывались физическим томлением и коитусом под «простынкой романтики». Но и мужа с чувством долга не хотела, понимаете?

– Конечно же. Стало быть, у вас никакого опыта обще-

ния с противоположным полом не имелось... – полувопросительно произнес Алексей.

– Да. Поэтому многие мужчины ощущали, что я легкая добыча. Цены себе не знаю, скромница, бесхитростная – стоит только руку протянуть, – улыбнулась Ася. – А я, пожалуй, действительно бесхитростная, но этих охотников распознавала мгновенно. Они все ведут себя одинаково: так, словно собираются меня осчастливить. Даже комплименты делают таким тоном, точно дорогой подарок дарят, и я сейчас в обморок упаду от счастья. Будто у меня зеркала нет, и я даже не догадываюсь, что хорошенькая! – засмеялась Ася.

– С Андреем было не так?

– О, с ним все было иначе. Он сразу дал мне почувствовать, что дорогой подарок – это я. Что он счастлив встретить такую девушку... Хватило нескольких дней, чтобы почувствовать: нам все друг в друге подходит, нравится, восхищает. Волнует, наконец! Но ничего общего с философией отца. Андрюша был бережен со мной, даже почтителен, чувствуя, что я не готова на быстрое сближение... Он просто чудо, – заключила Ася, засияв улыбкой. – Я уверена, мама бы его высоко оценила. А папа... Ну он в своем репертуаре. Мы сразу поссорились, едва он узнал об Андрюше.

– Полина говорила об этом, – откликнулся детектив, не желая заново слушать подробности, в которых он не видел ничего ценного для расследования.

Никакого подвоха в истории, рассказанной Асей, он тоже

не ощутил и теперь досадовал, что напрасно потратил время.

– Ну что ж, рад за вас, – улыбнулся он. – А теперь поговорим о случившемся.

– Ой, конечно! – смутилась Ася. – Извините, я отвлекла вас от дела. Просто мне самой так приятно вспоминать, как мы с Андрюшей познакомились... Что вы хотите узнать?

– До какого момента вы помните тот вечер?

– До того, как Андрюша отвел меня в машину. И то смутно. Мне было плохо, подташнивало, голова кружилась – отвратительное состояние! Не понимаю, зачем люди пьют алкоголь, он и невкусный, и на мозг плохо влияет...

– В принципе, такую реакцию, как ваша, алкоголь обычно не вызывает, – заметил Алексей.

– Видимо, мой организм так отреагировал потому, что я пила первый раз в своей жизни. На нашей свадьбе я едва пригубила бокал, а тут вдруг отчего-то разошлась. Выпила немало. Да еще шампанское, с пузырьками! Это ведь углекислый газ, отравка.

– Погодите-ка... Ваша сестра рассказывала, что в детстве у вас случился ацидоз. Я не разбираюсь, но если тогда вы почти потеряли сознание из-за повысившейся кислотности... Не мог ли углекислый газ из шампанского как-то повлиять на ваш организм?

Ася удивленно посмотрела на детектива.

– Какая интересная мысль! Я серьезно. Вы анализируете, Алексей Андреевич, как настоящий ученый, – улыбнулась

она. – В принципе, постоянное употребление шипучих напитков может привести к хроническому ацидозу, то есть закислению организма. Но к такой мгновенной и острой реакции, как та, что у меня случилась в детстве, вряд ли. Тогда у меня произошел капитальный сбой в работе печени на эмоциональной почве.

– А вдруг в тот вечер тоже? Эмоций много было?

– Невероятно, – кивнула Ася.

– Вечер в ресторане с любимым мужчиной, месяц со дня свадьбы – ваша первая дата – плюс ко всему шампанское с его углекислыми пузырьками...

– А вы много обо мне узнали.

– Особенно из уголовного дела, к сожалению.

– Ваше предположение вполне правомерно, Алексей Андреевич. Однако ацидоз просто так бы не исчез. И на следующий день я чувствовала бы себя еще хуже.

– Хм, гипотеза не прокатит, значит... – вздохнул Кисанов. – А мне она так понравилась! Тогда зайдем с другого боку: вы принимаете какие-нибудь медикаменты? Снотворное или антидепрессанты, например?

Ася рассмеялась. Сыщик, по всей видимости, ее забавлял.

– Алексей Андреевич, я ведь врач, знаю, как могло бы подействовать сочетание подобных препаратов с алкоголем. И если бы принимала, то сразу сказала бы своему адвокату: это помогло бы ему выстраивать защиту. Он даже уговаривает меня солгать. Только это между нами... – улыбнулась Ася.

– И между нами... – начал Алексей фразу, но договаривать не стал: хотел было посоветовать Асе согласиться на ложь, но это означало бы, что он не верит в успех своего расследования. – Давайте не будем отвлекаться. Мы остановились на том...

– ...что Андрюша отвел меня в машину, – подхватила Ася. – Едва сев на сиденье, я провалилась в сон. И с того момента ничего не помню.

– Даже то, как заглох мотор и вы отправились домой пешком?

– Нет. Ни как пошла, ни как дошла, ни как к соседке попала, к Ольге... Не говоря уж об убийстве.

– И все-таки до своего дома вы добрались, хотя, как сказал Андрей, его не было видно от того места, где заглох мотор машины. Значит, вы неплохо соображали, хотя бы на автопилоте. И к соседке вошли – на плач младенца отреагировали, как обычно. Иными словами, какая-то часть вашего мозга функционировала. Вы медик – как думаете, возможно ли вызволить из плена ваши воспоминания каким-то образом? Под гипнозом, допустим?

– Это важно, да?

– Еще бы! Если верить в вашу невиновность, то Ольгу убил кто-то другой. И вы, войдя в квартиру, увидели уже ее труп. А то – как знать! – и убийцу.

– Ох... – Ася тряхнула волосами, будто отгоняя от себя страшное видение. – Что же с моей памятью случилось? Как

будто я находилась под действием рогипнола! Знаете, это такое снотворное средство, которое память стирает. Его используют насильники...

– Но вы снотворное никогда не принимали... – полуутвердительно произнес детектив.

– Ну случалась у меня бессонница, иногда приходилось проглатывать таблетку – но не рогипнол же! К тому же мы говорим о вечере в ресторане, о шампанском и гипотетическом сочетании с ним лекарств.

– А когда вам стало плохо, вы ничего, случайно, не проглотили? В сумочке носите какие-нибудь лекарства? От тошноты, допустим?

Ася рассердилась.

– Все, хватит! Я ничего не принимала ни до ужина, ни после, понятно вам? Это просто была реакция на шампанское, принятое, к тому же, в большой дозе! И все, закроем тему.

В гневе она была прекрасна. Глаза ее – как и у сестры – вспыхивали маленькими жгучими молниями. Алексей залюбовался.

– Ладно, – миролюбиво согласился он. – А теперь скажите, когда вы полностью пришли в себя? Это вы помните?

– В больнице, уже утром, с дикой головной болью. Меня сразу начал допрашивать какой-то полицейский. Только я не смогла ответить ни на один вопрос.

– Врачи как-то комментировали ваше состояние?

– «Это ж надо так обожраться шампанским», – вот как

высказалась врач, давая мне таблетку аспирина.

– Любезная дама.

– И не говорите, – улыбнулась Ася.

– Теперь о соседке, Ольге Кучеровой. Опишите ее.

Алексей видел снимки жертвы в деле, но от ее лица осталась одна сплошная кровавая рана.

– Внешне симпатичная, правда, очень худая, – не тонкая, а именно худая, кости торчали отовсюду... Подозреваю, она страдала анорексией. А это уже свидетельство психического неблагополучия. Кроме того, у истощенного организма не хватает сил ни на что, а уж тем более на младенца, который требует много внимания и заботы.

– А что скажете о ее характере?

– Я с ней едва знакома была... Но стервозная натура, такое заметно сразу. И картины у нее странные.

– Что-нибудь знаете о ее личной жизни?

– В первый и единственный раз, когда она пустила меня к себе, ей звонил по телефону мужчина. Связь была хорошая, я его голос слышала, хотя слов не разобрала. Ольга говорила с ним резко и быстро закончила разговор. Раньше, до родов, она ничем не привлекала к себе моего внимания – кивали друг другу, и все. Но иногда я видела ее с женщиной. Они вместе выходили из ее квартиры. Мне казалось, что между ними были любовные отношения. А потом у нее появился живот, а мужчина исчез. Печальная история. У меня таких мамочек много – грустных, нервных, худых. Или, наоборот,

толстых – передают из-за депрессии... Они все одиночки. Но никто не обращается с детьми так плохо, как Ольга. Вернее, она никак не обращалась. Ребенок кричал, а она йогой занималась... Отключалась. Как и в своих картинах.

– Да, в полицейском деле сказано, что жертва была художницей... И что она писала? Портреты, пейзажи?

– Нет, что-то абстрактное. Например, яркие разноцветные полосы в беспорядке, а из-за них, как через щели забора, на тебя смотрят глаза разных размеров... У меня эта живопись вызывала жутковатое ощущение. Я не знаток, может, теперь в искусстве так... – Ася запнулась, подыскивая слово, – так принято, в смысле, таковы тенденции, но лично мне ее картины казались проявлением шизофрении.

– Ссор между Ольгой и этим мужчиной вы не слышали?

– Иногда слышала. Но не знаю, из-за чего.

– Вам не показалось, что Ольга угрожала мужчине?

– Трудно сказать... Тон был взвинченный у обоих. Но я не прислушивалась, если честно. Меня ее личная жизнь не занимала – меня только несчастный ребенок волновал...

– Мужчина женатый, как вы думаете? Может, кольцо на пальце заметили?

Ася лишь пожала плечами в ответ.

– Постарайтесь вспомнить хоть какую-то деталь. Ведь если не вы убили Ольгу, то...

– Кто-то другой, понимаю. И вы предполагаете, что любовник Ольги был женат, она его шантажировала и он ее

убил? Я была бы рада дать вам хоть какие-нибудь факты для подтверждения этой версии, – ведь в ней мое спасение, да? Но я и раньше жизнью соседей не интересовалась, а с тех пор как встретила Андрюшу, то и вовсе... – Ася светло улыбнулась, – только о нем и думала... Знаете, счастье как-то отсоединяет от других людей. Словно оказываешься на необитаемом острове, где только Мы. И больше никого, и больше никто не нужен.

Ася умолкла на некоторое время – видимо, душа ее улетела на «необитаемый остров счастья». Алексей не мешал – просто ждал возвращения души.

– Могу его описать, – девушка вернулась к реальности, и в голосе ее слышалось сожаление: на острове счастья ей было куда лучше. – Среднего роста, метр семьдесят пять-шесть, брюнет, черные усы. Не то чтоб толстый, но живот уже проклюнулся через пуговицы рубашки – пиво любит, очевидно... Глаза темные, интеллект не просматривается. Лицо неприветливое. Походка тяжелая. Не знаю, откуда такое впечатление, но, думаю, денежный. Вот, пожалуй, все.

– Это уже немало. Не знаете, нет ли у кого из соседей Ольгиных ключей? Может, она оставляла, уезжая, чтобы цветы поливали, мало ли.

– У нее не было цветов. А если б и были, то захирели бы. Она не умела и не хотела заботиться о других, даже о собственном ребенке.

– То есть ключи...

– Поспрашивайте, я точно не знаю. В конце концов, вдруг бы у нее трубу прорвало или пожар начался. Могла и оставить кому-то, чтобы в случае чего дверь не ломали.

– Разужнаю, – кивнул детектив. – А теперь... Если вы не против, я бы хотел показать мешок с песком...

Ася прикрыла глаза.

– Такой же, каким забили Ольгу? – тихо спросила она.

– Да.

– Это необходимо?

– Да.

Алексей сходил к своей машине, вернулся.

– Вы в порядке, Ася? – спросил он, положив черный блестящий мешок на стол.

– Вполне, – вздохнула девушка. – Неприятно, но раз нужно...

– Давайте проведем эксперимент. Можно я немного побью ваш диван?

Ася кивнула, и Алексей взял мешок за ручку. Замахнулся и ударил им диван. Звук получился громкий, Ася вздрогнула.

– Теперь вы, – указал на мешок детектив. – Повторите мое движение.

Ася попыталась замахнуться... Покачнулась... Но мешок лишь вывернул ее руку локтем вверх, повиснув позади плеча, в то время как эта попытка вынудила девушку сделать

несколько произвольных шагов назад, чтобы сохранить равновесие.

– Он слишком тяжелый.

– Тогда попробуйте сделать то же самое, но двумя руками.

Но и этот жест Асе не удался. Держать двумя руками было неудобно, замах не получился, и в результате Ася хоть и сумела приподнять мешок над головой, хлопнула им не диван, а себя по животу, отчего чуть не упала.

– Не больно? – испугался детектив.

– Нет, ничего, – ответила Ася, потирая живот. – Пройдет. А вы гений, Алексей Андреевич! Теперь всем станет ясно, что я не могла убить Ольгу!

– К сожалению, это еще не доказательство.

– Почему? – в голосе девушки слышалось искреннее недоумение.

– Никто не может быть уверен, что вы сейчас не симулировали.

– Но как же так...

– Вы в спортзал ходите? Какие-либо упражнения делаете для развития мускулов?

– Куда мне с такой работой!

Алексей внимательным взглядом окинул ее фигуру. Довольно узкий верх – плечи, грудная клетка, тонкие руки и талия. Бедра пошире и ноги вполне крепкие. Если бы Ольгу Кучерову забили ногами, то детектив мог, пожалуй, поверить, что Ася чисто физически способна это сделать. Но ее

тонкие руки...

– Вы не могли бы снять рубашку? – вежливо попросил детектив.

Девушка смутилась. Вот уж действительно скромница, ведь ее не обнажить попросили, на ней еще майка! Однако просьбу детектива выполнила. Более того, она догадалась, что хочет увидеть Алексей, и согнула руку в локте, чтобы очертились мышцы. Майка без рукавов открывала ее плечи полностью, и Алексей легко убедился, что мускулатура у Аси не развита.

К несчастью, этот факт вряд ли прозвучит для суда весомо. Начнут про состояние аффекта, в котором силы удваиваются, а то и утраиваются... Необходимо искать новые аргументы в пользу Аси. И у Алексея уже созрела пара соображений.

– Что ж, пока все, – произнес он. – Возможно, я к вам еще загляну в ближайшие дни.

– Это обнадеживает, – грустно улыбнулась девушка.

Спустившись на второй этаж, детектив осмотрел замок квартиры Ольги Кучеровой. Металлическая дверь старая, такую несложно открыть. Однако не одним щелчком. А кругом любопытные соседи, на малейший шум кидаются к глазкам... Надо будет приехать сюда с инструментами во время вечерних передач, когда у всех галдят телевизоры.

Кроме того, соседей надо расспросить об Ольге. В прото-

коле есть их показания, но они касаются только ночи убийства... Впрочем, и об этом стоит поговорить с ними заново.

Но уже не сегодня. Пять встреч – с адвокатом, с сестрой и отцом Аси, с Андреем и самой Асей – практически съели весь день, и Алексею хотелось домой. Обнять Александру, поиграть с детьми.

Он посмотрел на часы: начало восьмого. Если он поторопится, то еще успеет побыть с малышкой. Да, хорошо, на сегодня все.

Эксперимент

Малышня – двойняшки Лиза и Кирюшка – висели на папе уже минуты три, когда он решился, наконец, отцепить от себя их ручонки.

– Эй, обезьяныши, хватит! Я все-таки не пальма!

Дети зашлись от смеха, а в прихожей показалась наконец любимая супруга. То бишь Александра.

– Извини, родной, – проговорила она, целуя Алексея. – Я должна была закончить абзац.

Александра – журналистка. Пишущий человек. Ей почти всегда нужно закончить фразу, абзац или страницу, прежде чем отозваться.

– Есть хочешь? У меня ужин готов. На твою долю тоже сделала, на всякий случай.

Ну да, расписание частного сыщика непредсказуемо, так

что Саше нередко приходится готовить для мужа – или не готовить – наугад.

– Хочу. Но у меня есть к тебе одно дельце. До ужина. Маленькое такое.

– Точно маленькое? – с подозрением переспросила Саша. – А то мы тут все голодные.

– Точно-точно. Смотри, что я принес, – и Алексей протянул жене мешок с песком.

– Это для занятий йогой? – изогнула красивые брови Александра. – Ты считаешь, что мне нужно срочно гармонизировать тело с душой?

– Нет, Сашенька, – Алексей взял ее за руку и повел в гостиную, к дивану, – ровно наоборот: тебе нужно срочно разгармонизироваться для свершения черного дела и попытаться убить этим мешком.

– Ого. И кого же?

– Диван. Бей изо всех сил.

У жены удар получился, – занятия в спортзале давали себя знать, – хоть и с напряжением.

Алексей задумался. Ася вызывала у него доверие, но он своему доверию редко доверял, если можно так выразиться. Большинство лгунов выдает себя очень быстро, распознать их не составляет труда; но случается, что человек сам верит в свою ложь, и тогда детектировать ее непросто. Ася могла бессознательно симулировать слабость – из-за желанья убедить сыщика, что она не убийца. Нельзя также исключить

пресловутое состояние аффекта в момент убийства, придавшее ей сил.

Посему эксперимент следует продолжить, уточнить параметры. Ольга Кучерова лежала на полу, когда ее нашли. И разбито у нее было именно лицо, что также указывает на положение лежа. Значит, нужно посмотреть, как выглядит удар по предмету, находящемуся на полу...

– Ну что? – не выдержала Александра. – Результат тебя не устраивает? Зачем тебе это вообще?

Алексей вкратце рассказал ей о новом деле, об убитой Ольге Кучеровой и своей встрече с Асей.

– Жуть, – констатировала Александра. – Но, по-моему, девушка без специальной тренировки не могла бы забить таким тяжелым мешком жертву. Только если взять его вот так...

Саша ухватила мешок не за ручку, а за бока, и размахнулась. Мешок немного согнулся, однако удар получился значительно сильнее.

– Дело в том, что отпечаток Аси нашли на ручке. Так что этот вариант нам не подходит.

– Но если держать за ручку, то бить труднее!

– Вижу. Давай попробуем иначе...

Алексей вытащил из большого книжного шкафа два толстых тома, положил их на пол. Посмотрел, достал еще книгу потоньше, добавил в стопку и присел на корточки.

– Примерно такая высота должна быть от затылка до но-

са... – произнес он, прищурившись. – Саша, бери мешок за ручку и бей.

– Как именно?

– Как тебе удобнее, интуитивно.

Александр пришлось наклониться, и замах она делала уже не со спины, а от груди. Стопка книг развалилась, тома скользнули к ногам Саши. После трех ударов она разогнулась.

– Все, не могу больше, тяжело. Пошли ужинать, дети ждут.

За столом Алексей старательно отгонял от себя мысли о деле, чтобы не выпадать из общения. Именно ужин был в их семье моментом единения, когда все возвращались домой – взрослые с работы, малыши из детского сада – и сходились за общим столом. Александра ухитрялась все делать красиво и вкусно, при этом на удивление быстро: в силу профессии она не могла позволить себе терять время на сложные блюда. Сегодня, к примеру, она приготовила куриные ножки, запеченные в меду и травах, и салат из помидоров с рукколой и кусочками авокадо: вкуснотища, а хлопот минимум.

Этот час – час общения, шуток, рассказов о проведенном дне, час улады для души и для вкуса – был для них почти сакральным. Поэтому Алексей старался не пропускать семейные ужины (хотя иной раз приходилось, ничего не попишешь), а за столом не погружаться в мысли о своих рас-

следованиях. Он внимательно слушал Лизу и Кирюшу, которые наперебой делились впечатлениями дня, проведенного в детском саду. Какой-то мальчик из группы полез на забор, его отругала воспитательница, а мнения брата и сестры разделились: флегматичный Кирюша осуждал мальчика за неправильное поведение, тогда как Лизавета, маленькая радужная стрекозка, восхищалась непослушанием «хулигана». Вырастет – будет влюбляться в экстремальных парней, им с Александрой головная боль... Это она в маму такая. Та тоже экстремальничала полжизни, пока не утомилась и не разочаровалась во всем и во всех. Хорошо, что она встретила его, Алексея, – погордился собой детектив, – который ее за шкуру, можно сказать, вытащил из болота...

– Алеш? Загрузился? – усмехнулась любимая супруга, в прошлом любительница острых ощущений, а ныне примерная жена и мать. К тому же активно и талантливо пишущая журналистка, что достойно отдельного восхищения.

– Ох... Не хотел. Да вот, – смущенно развел он руками, – уплыл куда-то... Я что-то важное пропустил?

– Ничего особенного, если не считать маленькую деталь: детский словарь пополнился сегодня новым словом. «Сучонок» – так наша милейшая воспитательница назвала хулигана, стаскивая его с забора.

– Хм... Душа радуется богатству родного языка.

– Ага, и креативности его носителей. С нашими суффиксами и приставками возможности для творчества безграничны.

ны, они как элементы конструктора «Лего».

– Жаловаться бум?

– Не бум. Дети еще не такое услышат, с каждым годом их лексикон будет расширяться, – усмехнулась Александра, – с жалобами не набегаешься. Если я могу помочь тебе с *размышлизмами*, – без перехода заявила она, – то, как только забросим этих двоих в кровати, поступлю в твое распоряжение.

Александра отлично знала, как помогает в мыслительном процессе диалог. Можно говорить даже полную ерунду – но тот, кому важно развить мысль, сумеет это сделать, отгаликиваясь от ерунды. На этом основан «мозговой шторм», где одно высказывание провоцирует другое. И Саша иной раз помогала мужу таким образом сконцентрироваться, не боясь попасть впросак с некомпетентными вопросами: ничего в этом стыдного, ведь она изначально не располагала той информацией, которой владел детектив.

– Я не хочу, чтобы меня забрасывали в кровать! – обиженно заявил Кирюша. – Я не мячик!

– Котенок, это же просто шутка... – нежно произнесла Александра.

У Кирюшки чувство юмора пока еще не прорезалось. Но непременно прорежется через... ну сколько-то лет. Вот, к примеру, в семье хороших друзей дочка начала понимать шутки лишь к восьми годам. Зато быстро стала заправской шутницей, покруче мамы с папой. Так что надежда есть.

– А я хочу! – запрыгала на своем стуле Лизанька. – Хочу, как мячик! Забросьте меня!

Да уж, гены, подумал Алексей, любуясь дочуркой.

– Итак, – Александра уселась на диване в гостиной, – что от меня требуется?

Дети уже спали, хотя Александре пришлось прочитать им аж три сказки. Впрочем, Кирюша заснул на середине второй, тогда как Лизавета пыталась выторговать еще и четвертую. Но папа пришел на подмогу и спел колыбельную песенку, и дите, наконец, угомонилось.

– Эксперимент с мешком свидетельствует в пользу Аси. Но надо выстроить аргументы по порядку.

– Поехали, – кивнула Саша.

– «Он сказал: «Поехали!» Он взмахнул рукой...» – пропел Алексей. – Первое: лупить по объекту, лежащему на полу, было трудно?

– Трудно. И чрезвычайно неудобно.

– Допустим, ты очень разозлилась на кого-то и хотела его ударить. Твоя жертва на полу, под рукой мешок с песком. Ты бы им воспользовалась?

– Возможно. Но сразу бы оставила как неэффективное средство... Погоди, почему Ольга на полу?

– Йогой занимается. Какую-нибудь асану делает. Или медитирует.

– Медитирует, вот оно что... Иначе почему она не сразу

реагирует на вторжение постороннего? Почему осталась сидеть на полу? Или лежать, это смотря какая асана.

– Ты умница, правильный вопрос задала. И начнем искать ответ от двери.

– Двери?

– Как Ася вошла? Она услышала плач ребенка и позвонила в квартиру Ольги Кучеровой. Если бы хозяйка открыла, то очутилась бы у порога, а не на коврике для медитаций. И даже если представить, что женщины подрались – допустим, Ася напала на Ольгу из-за плача младенца, – то, во-первых, мешок с песком находился далеко и не мог подвернуться Асе под руку; во-вторых, Ольга не лежала бы на спине лицом вверх; и в-третьих, ее труп остался бы у порога. Ну, и в-четвертых: медицинский осмотр не выявил на теле Аси следов борьбы. Ни царапин, ни синяков, которые могла бы оставить жертва, если бы пыталась Асю выставить.

– Значит, Алеша, дверь оказалась не заперта. И Ася беспрепятственно вошла.

– Но она хорошо воспитана. Даже в состоянии беспамятства, на автомате, Ася позвонила бы в квартиру соседки, я уверен.

– Ольга не открыла ей...

– Тогда Ася стукнула... Или пнула дверь в раздражении... И та распахнулась...

– Это нормально? Соседка часто оставляла дверь открытой?

– Нет, это странно. И подозрительно. Раньше за нерадивой мамашей такого не водилось, по словам Аси. Она позволила ей войти только один раз. Но после того, как Ася отчитала ее за пофигистское отношение к младенцу, Ольга перестала ее пускать. То есть дверь ей больше не открывала.

– Которая, следовательно, обычно бывала заперта. Но Ася все же попала в тот вечер к Ольге. Я согласна с тобой полностью: Ася позвонила, ей никто не ответил. Но ребенок кричал, и Ася стукнула. Дверь растворилась... И это, да, подозрительно.

– Допустим, Ольга забыла ее запереть.

– Такая вероятность всегда существует, – кивнула Александра. – Даже если она минимальна. Мы ведь поворачиваем замок на автомате.

– Тогда представим, что дверь забыла закрыть сама хозяйка, Ольга. Ася вошла. Ребенок заходился от крика, а мамаша медитировала. Ася схватила мешок и ударила ее.

– Нет! – возразила Александра. – Ты говорил, что Ася была в состоянии опьянения. То есть мозги работали плохо. Зато работал автопилот. Из того, что ты рассказал мне, понятно: Асин автопилот – это увещевания. Она не из тех, кто бьет людей.

– А если Ася начала читать Ольге мораль, но та послала ее подальше? И тогда Ася разозлилась...

– Только мешком забить ее не смогла бы. Ты сказал, что у бедняжки лицо превратилось в кровавое месиво... Значит,

ее били мешком не раз и не два, и даже не три. Я смогла с трудом ударить по книжкам три раза. Ася, по твоим словам, слабее меня. К тому же была пьяна. Гарантирую, она не смогла бы это сделать.

– И вот еще что... Для тебя тоже пять килограммов оказались тяжелы, и ты, когда опускала мешок на «жертву», но не справлялась с его весом, произвольно «мела» книги к себе, под ноги. Однако на снимках жертвы нет никаких следов смазывания крови книзу.

– Это сделал человек, намного более сильный, чем я?

– И чем Ася.

– Выходит, твоя клиентка невиновна!

– Еще один фактор. Из показаний соседей и Асиного мужа я составил примерную хронологию событий. Получается, что от момента, когда Ася пришла к Ольге, и до момента, когда соседи прибежали на крики, прошло лишь минут семь-восемь. А ведь Асе нужно было попасть в квартиру – звонить, ждать, прислушиваться, затем толкнуть дверь и войти, увидеть плачущего малыша и Ольгу...

– А ребенок находился в той же комнате?

– В соседней. У Ольги Кучеровой двушка.

– Ася, добросердечный педиатр, должна была броситься первым делом к малышу.

– Не исключено. Она ничего не помнит, к сожалению, а Ольга Кучерова показаний уже не даст. Но по всему выходит, что Ася, даже если бы бросилась первым делом читать

нотации соседке, все равно не успела бы ее за столь короткое время забить до смерти мешком. Особенно если к этому прибавить ее недостаточную мышечную силу... Соседи слышали крики, но не знают чьи. Кричать же могла Ася, увидев окровавленное лицо соседки. Могла схватить в ужасе окровавленный мешок, оставив отпечаток на ручке, особенно если он лежал на лице жертвы... А потом она потеряла сознание и упала рядом с мертвой Ольгой.

– Еще бы. Такое увидишь, в обморок грохнешься и без всякого алкоголя... В общем, Алеша, поздравляю! Ты установил, что Ася невиновна. Теперь сможешь двигаться дальше, как я понимаю.

– Во-первых, это *мы* с тобой установили. Во-вторых, коль скоро Ася невиновна, то Ольгу убил кто-то другой прямо перед приходом Аси. Случайность? Или Асю намеренно подставили?

– Кто?

– Подставу мог сделать только ее муж. Лишь он мог расчитать, когда в квартире соседки появится Ася. Эта история с ее опьянением, с поломкой машины...

– У него есть мотив?

– В том-то и дело, что нет. Отец Аси настоял на брачном контракте, по которому все Асино имущество, принадлежавшее ей до брака и приобретенное ею в браке, принадлежит ей, и только ей. Кроме того, если бы Андрей позарился на ее имущество – допустим, он узрел какую-то лазейку в их

контракте и рассчитывал кое-что получить, – то он бы жену убил, чтобы унаследовать ее состояние. Но Асе грозит тюрьма, и она сохраняет за собой все имущественные права даже там. Иными словами, Андрей ничего не мог выиграть, подставляя жену.

– Ох, Алеш... Зубодробилка какая-то.

– Ничего, Сашка, мне не впервой. Справлюсь.

Он пересел на диван к жене, перетащил ее к себе на колени. Александра обняла его за шею. Некоторое время он ловил ее дыхание, наслаждаясь его свежим вкусом...

Помнится, лет десять назад он задавался вопросом, что будет с их сексуальной жизнью спустя годы. Об этом никто не рассказывает – родители не делятся интимными подробностями с детьми, даже взрослыми. Алексей тогда облазил интернет, чтобы получить ответы на свои вопросы.

Наилучшим ответом стала сама жизнь. Спустя годы он все так же желал свою жену, как и в первый день знакомства. Пусть не каждый день, – усталость нередко диктовала свои жесткие условия, – но физическая близость с любимой женщиной была, как и прежде, насущной потребностью. Не только для тела, – для души тоже.

Алексей запустил ладонь под кофточку жены, достиг плеча, прислушиваясь: ей это приятно? Она готова к...

Александра быстрым движением разорвала застёжки (ух ты, они оказались кнопками!) и перетащила его ладонь к себе на грудь. Страшно соблазнительную, надо признать.

Дыхание их смешалось, стало шумным; руки пустились в лихорадочную пляску, поглаживая, сжимая и пощипывая. Еще через несколько минут Алексей и Саша сорвались с дивана и оказались, сбросив одежду по пути, в душе. Гель превратил их тела в каток, на котором ладони и губы устроили фигурное катание... С элементами высшей сложности.

День второй

Кис действует

С утра детектив забурился в любимое кресло на Смоленке и, забросив ноги на стол, размышлял. И так, можно сказать, что Ася реабилитирована. По крайней мере, для него, Алексея Кисанова. И это важный вывод, поскольку теперь можно заняться другими версиями.

Других же версий по-прежнему ровно две: первая – подстава, вторая – совпадение.

Подставить Асю имел возможность только ее муж, как детектив уже объяснил Александре. Только в его власти было обеспечить хронометраж событий. Однако у Андрея Изюмова (вот же фамилия мужику выпала, слаще некуда!) не имелось никаких – абсолютно никаких! – мотивов. Он ровным счетом ничего не выигрывает от ареста жены.

Зато от смерти Ольги Кучеровой кто-то наверняка выигрывает. В таком случае искать убийцу надо в ее окружении. Мужчину, с учетом силы удара. Ключи от квартиры были ему доступны в силу близких отношений, так что дверь взламывать не приходилось. Скорее всего, он пробрался в квартиру до того, как Кучерова уселась на коврик для упражне-

ний. Где-то прятался, выжидая начала медитации... Из чего следует, между прочим, что он хорошо знал расписание Ольги. Затем подкрался неслышно и нанес первый удар. Его хватило, чтобы женщина упала навзничь. Ослепленная, она не могла сопротивляться... И мужчина нанес еще несколько ударов, пока жертва не перестала двигаться. Ребенок либо плакал все это время, либо заплакал в этот момент, почуяв смерть...

Убийца быстро покинул квартиру, не заперев дверь, – а вскоре в нее вошла Ася.

Тот факт, что дверь осталась открытой, отлично ложится в первую версию, версию подставы: так и было задумано, чтобы Ася оказалась в квартире, иначе как ее смогли бы обвинить в убийстве? Отмычек у нее нет, а хозяйка квартиры Асю не жаловала, сама бы ей не открыла.

Но жизнь всегда богаче логики. По логике, убийца (у которого не имелось никаких целей подставлять Асю Каверину) дверь должен был закрыть: не в его интересах, чтобы труп Ольги нашли сразу. Чем быстрее приедет полиция, тем точнее заключения судебно-медицинского эксперта о времени убийства и тем лучше память случайных свидетелей – мало ли кто-то находился в районе подъезда (гулял с собакой, к примеру) и заметил выходящего оттуда мужчину...

Так что убийца, если только не тупица, дверь в квартиру Ольги должен был за собой закрыть. Однако – поскольку жизнь богаче логики – его мог испугать внезапный шум

на лестнице (или за дверями одной из квартир), отчего он поспешил удалиться с места преступления, не став тратить время на запираание замка.

Впрочем, убийцы часто оказываются тупицами. Ищешь спрятанный мотив и хитроумный ход, обходя в рассуждениях то, что лежит на поверхности, – ну ведь преступник не может быть таким кретином, думаешь ты! – а он как раз может. И есть. Как сказала Ася, ухажер Ольги интеллектом не блистал...

Не принципиально. Дверь оказалась открыта, только это важно. И стала ловушкой для Аси. И теперь надо девушку из ловушки вызволять.

А для этого необходимо пристально изучить окружение Ольги Кучеровой. Что, скорее, вдохновляло: мотивы для убийства непременно найдутся. Тогда как от ареста Аси не выигрывал никто – ни морально, ни материально.

В уголовном деле имелись показания соседей, но они касались только вечера убийства, что и в какой момент люди слышали да увидели. Детективу же сейчас требовалась совсем другая информация, и он снова отправился в Медведково.

Его не смущало то обстоятельство, что стрелки часов едва перебрались за полдень и большинства жильцов наверняка нет дома. С пенсионерами разговоры могут оказаться долгими: кого-то придется уважить, согласившись на чай с варе-

ньем; кого-то придется умасливать так и эдак. Так что время пролетит быстро, а там, глядишь, и народ с работы-учебы подтянется.

Первым ему открыл подслеповатый мужичонка, неряшливого и неприветливого вида. Из его квартиры несло тухлятиной и кислятиной. Надежд на беседу с таким типом практически никаких, но Алексей на всякий случай попробовал, спросил о мужчине, навещавшем Ольгу Кучерову.

Получив в ответ короткую матерную тираду, в переводе означавшую «мне ни до кого нет дела», детектив кивнул и направился к следующей двери.

За два с половиной часа он обошел все девять этажей. Большинство квартир, как он и предполагал, отозвались тишиной, в остальных обнаружилось вполне предсказуемые персонажи. Заспанный студент-прогульщик, надевавший джинсы по пути к двери и запутавшийся в штанинах; пара аккуратных бабушек с внучатами; несколько молодых мамаш с грудными детьми – одни просили не шуметь, другие – помочь с коляской; пожилая доброжелательная пара; домохозяйки и даже одна домработница. Иными словами, дефиле персонажей, вполне обычных для такого дома и для дневного времени. Лишь в одну квартиру не позвонил Алексей: к Асе Кавериной. Сегодня ему не о чем было с ней беседовать.

В характеристике Ольги Кучеровой жильцы были единодушны: неприветливая, заносчивая, с соседями не зналась и

даже не здоровалась. «Будто все время погружена в себя», – сказала одна из опрошенных дам. Мужчину, с которым она встречалась, пока он ее не бросил, некоторые сумели описать весьма подробно. И даже имя прозвучало: Гриша. Но никто не знал ни его фамилии, ни адреса.

К счастью, среди соседок нашлась та, кому Ольга дала номер своего мобильного и, уезжая, оставляла ключи. Как оказалось, Евгения Семеновна, одинокая пенсионерка, сама выступила инициатором: она жила в квартире на первом этаже, прямо под Кучеровой, и боялась, что у Ольги, не приведи бог, что-нибудь прорвет в ее отсутствие. И тогда вода хлынет в квартиру Евгении Семеновны.

Уезжая в роддом, Кучерова снова дала ей ключи. Но с тех пор их не забирала – наоборот, она обращалась к Евгении Семеновне несколько раз, прося ее присмотреть за младенцем, когда ей требовалось куда-то уехать. И связка находилась до сих пор в распоряжении соседки.

Это было большой удачей, несмотря на то что Евгения Семеновна мало что знала об Ольге, – лишь добавила несколько красок к портрету убитой.

– Да, они часто ссорились с Григорием. Мне слышно было, перегородки-то у нас тут хлипкие... Оля рассчитывала, что Гриша на ней женится, а потом его попрекала, что тот не хочет ребенка. Оля не из тех женщин, что умеют деликатно, мягко, а то и дипломатией, хитростью... Она много резко-стей ему наговорила – слова не всегда разобрать, но тон-то

понятен! Рожать она решила вопреки желанию Гриши, надо думать, – говорила Евгения Семеновна, подливая чаю детективу. – В общем, ушел он от нее, она еще беременная была...

Упившись чаем и объевшись сушек с айвовым вареньем, детектив насилу вылез из-за стола.

– Номер ее сотового продиктуйте, пожалуйста.

– Так ей теперь не позвонишь, Оле-то! – удивилась соседка.

– Само собой. Я хочу посмотреть ее входящие. Нужно этого мужчину найти.

– А что, правильно, может, это он Олю и убил! А Асенька случайно в квартиру вошла!

– Есть такая вероятность, – кивнул детектив. – Поэтому я должен с ним побеседовать... И я хотел бы забрать ключи.

– Ключи? Но я не могу... Вы чужой человек, вдруг чего возьмете? Не обижайтесь, я же вас не знаю. Думала вот в полицию отнести...

Полиция, к слову, должна была сама поинтересоваться, нет ли у кого запасной связки от квартиры жертвы. Мало ли, вдруг убийца вернется туда за какой-то вещью, которая могла указать на него. Но, получив Асю, тепленькую подозреваемую, прямо в руки, никто в полиции утруждать себя не стал.

– Не беспокойтесь. Хотя я и частный сыщик, у меня такие же обязательства, как у полиции. А вот вы как раз не имеете права хранить их у себя, вы в курсе? Вы туда не заходили после убийства?

Вопрос был важен: детектив собирался осмотреть жилище Ольги Кучеровой и хотел убедиться, что там все осталось на своих местах, как в день ее гибели.

– Что вы, что вы, меня дрожь пробирает только при мысли о покойнице! – воскликнула пенсионерка, тут же сунув ключи в руки Алексею – даже, как ему показалось, с облегчением.

Великолепно. Детектив вышел из подъезда, вдохнул полной грудью свежий, немного прохладный воздух. Стояло бабье лето – осень красиво обставила свое вступление на престол: ослепительно-чистым низким солнцем, щедрой синевой неба, трепетом ярких, как цыганские юбки, листьев. Настроение у Алексея было отличным. Результат оказался куда лучше, чем он рассчитывал. Номер мобильного Ольги позволит узнать о ее звонках и контактах – а среди них непременно и Гриша найдется! Ну а ключи – это уж всем подаркам подарок: не придется взламывать квартиру. А осмотреть ее детективу очень хотелось. Он надеялся обнаружить в ней, наконец, зацепки. Поскольку в этом деле он до сих пор ни одной не нашел.

И, к слову... Квартиру ведь кто-то наследует... Двухмесячный малыш, Ольгин сын, само собой. И где он? Что за родственница забрала его? Какие вообще имеются у Кучеровой родственники? Сестры-братья, мать с отцом? А у них есть ли ключи? Они могли что-то уже забрать из квартиры,

вынести...

Алексей вернулся в подъезд, снова позвонил в дверь Евгении Семеновны. Спросил насчет ребенка и родни. Но она ничего не знала.

– Малыша увезли в тот же вечер, а куда потом его пристроили... – она горестно вздохнула и пожала плечами.

– Вот вам моя визитка, – протянул детектив карточку. – Вдруг кто-то наведается в квартиру Ольги. Наследником является по закону ее сын, но кто-то должен малыша опекать до совершеннолетия... И вдруг этот «кто-то» решит осмотреть вверенное ему имущество, – улыбнулся детектив.

– Ой! Ой, погодите, – всплеснула пухлыми ручками Евгения Семеновна. – А ведь приходила в Олину квартиру женщина! Я как увидела ее на лестнице, так будто сразу почувяла: к покойнице она! Пошла за ней, и точно: она отпирала Олину дверь. Я ее еще окликнула: мол, на каком основании? А она такая же неприветливая, как Оля. Глянула на меня мельком, будто я просто столб какой-то, отвернулась и вошла в дверь. Я снова: вы кто? Сюда никому входить нельзя, это место преступления! Это нам полицейские так сказали, когда уезжали, – ну я и повторила... А она снова оглянулась и закрыла дверь прямо перед моим носом. И уже из-за двери сказала: «Я родственница, мне можно».

– И ничего к этому не добавила?

Евгения Семеновна лишь покачала головой.

Как у каждого крупного провайдера мобильной связи, у Алексея был свой «человечек», способный отследить звонки с определенного номера. Строго говоря, разглашение подобной информации было незаконным, но детектив пользовался ею осторожно, только в процессе расследования, и официально никогда не обнародовал полученные сведения, равно как и их источники. Вот и сейчас, определив через Интернет, к какому оператору относится префикс номера Ольги Кучеровой, он позвонил соответствующему «человечку» и дал задание. Результат обещали к концу дня. И это, надо заметить, чрезвычайно скоро (тем более что конец дня близился), – даже полиция, случалось, ждала пару дней. Ведь люди, работающие в сотовой связи, чрезвычайно заняты текущими делами, им непросто выделить время на просмотр «истории» звонков конкретного номера. (Или они делают вид, что непросто, для пущей важности?)

Алексей завел свой джип и вырулил со стоянки на улицу. Он ехал, посматривая по сторонам в поисках приличного кафе. Жестоко хотелось кофе – чай с сушками и вареньем произвел отвратительное впечатление на его желудок. Детектив не любил ни мучное, ни сладкое.

Наконец, в зоне видимости появилось заведение общепита, вид которого ему не внушал опасения... или не слишком. Расположившись за столиком, Алексей заказал кофе, рюмку коньяку и принялся набрасывать соображения в блокноте. С некоторых пор он отказался от классического бумажного и

перешел на заметки в смартфоне, хоть и с некоторым трудом: сила привычки была велика. Однако электронная «бумага» имела неоспоримые преимущества перед настоящей – возможности дописывать, вставлять, править, не портя текст, – и пренебрегать ими было бы глупо.

«МОТИВЫ» – написал он крупно на экране. Имелись в виду мотивы гипотетические, конечно, но они существовали, что радовало. Тогда как для подставы Аси ни один мотив, даже гипергипотетический, не просматривался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.